Тайная победа

Автор:
Лора Лэндон

Тайная победа

Лора Лэндон

Красавица леди Джессика Стантон, лишенная слуха, нуждается в муже, способном защитить ее от происков коварного сводного брата.

Разоренный и опозоренный Саймон Уэстленд должен срочно заключить выгодный брак, дабы восстановить фамильное состояние и найти настоящего убийцу своего отца. А потому, когда Джессика предлагает ему свою руку и огромное приданое в обмен на помощь, он заключает с ней соглашение.

Ни чувства, ни настоящие супружеские отношения в планы «новобрачных» не входят, однако постепенно эти двое, отчаявшиеся и ожесточенные, начинают доверять друг другу. А от доверия недалеко и до настоящей любви, пробивающейся сквозь боль и отчуждение, как цветок к солнцу…

Лора Лэндон

Тайная победа

Роман

Laura Landon

Silent Revenge

© Laura Landon, 2013

© Перевод. А.С. Мейсигова, 2014

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

Глава 1

Джессика Стантон сидела у дальней стены нарядного бального зала и смотрела, как хозяин и хозяйка дома, герцог и герцогиня Стратмор, приветствовали очередного гостя. Как всегда, ее мало кто замечал, а случайное любопытство она привычно пресекала холодным взглядом.

Без сомнения, Джессика была единственной дамой во всем лондонском обществе, твердо решившей на всех балах играть роль серой мышки. Она сидела, аккуратно сложив руки на коленях, гордо выпрямив спину, и старалась не обращать внимания на четырех юных девушек, которые шли мимо, о чем-то болтая. Они удивленно посмотрели на нее, шепнули что-то явно неприличное, а потом сделали широкий круг, не желая и близко подходить к такой странной девушке, как Джессика. Ну и ладно, пусть говорят что хотят. Пусть называют ее монашкой, чудачкой, высокомерной выскочкой. Любое определение будет лучше правды.

Джессика с завистью глянула на элегантных дам в туалетах из шелка и атласа, кружившихся по залу рядом с одетыми по последней моде джентльменами.

Ей никогда не стать одной из них.

Отвернувшись, Джессика усилием воли оборвала эту мысль, а потом расправила складки старомодного платья из светло-зеленого бомбазина. Она посмотрела в сторону входа, где по широкой лестнице в зал спускались барон и баронесса Литтлбрук. Но Джессика ждала не их появления. Весь вечер она жаждала

увидеть наряд одной дамы, и этой дамой была не баронесса.

Джессика разочарованно вздохнула и коснулась рукой идеально отутюженного кружевного воротника, намереваясь ждать столько, сколько потребуется. Терпение не входило в число ее достоинств, но она знала, что не уйдет отсюда, пока не увидит платье леди Пенелопы Драммонд. Она придумала его сама, нарисовала и тысячу раз представила. Нет, ей обязательно надо взглянуть на то, что в итоге получилось.

Переливчатая шелковая ткань будет самого нежного персикового оттенка – идеально для молодой женщины, только недавно вышедшей замуж. Платье украсят воланы из сплетенного вручную кружева цвета слоновой кости. Декольте сделают достаточно глубоким, чтобы соблазнять, но не настолько, чтобы его сочли вульгарным. Джессика закрыла глаза, представляя, как юная красавица будет выглядеть в ее наряде, и сердце забилось от волнения.

Разные покрои. Цвета. Великолепное дефиле самых модных одеяний, которые носят сливки лондонского общества. И многие из них придумала она сама. Из-за них Джессика, собрав волю в кулак, приходила на светские праздники и незаметно сидела в толпе, пока мир веселья и смеха вращался вокруг нее, не обращая на тихую девушку никакого внимания. Мир, частью которого ей никогда не стать.

За эти годы она словно превратилась в невидимое ничто. Конечно, ее приглашали на балы, а иначе и быть не могло, принимая во внимание близкое знакомство ее умершего отца с королевой и дворянский титул мачехи, также отошедшей в мир иной. В противном случае это было бы грубым нарушением этикета со стороны светского общества. Но все же Джессика никогда не чувствовала себя членом этого избранного круга. И принимала приглашения она вовсе не затем, чтобы туда попасть. О ее тайне могли узнать, но Джессика шла на риск только ради того, чтобы увидеть придуманные ею наряды.

Она глянула на пустую лестницу. Где же леди Драммонд?

Вдруг к ней направились трое молодых людей в длиннополых фраках. Явно осмелев от вина, они шли, слегка пошатываясь и загораживая спинами лестницу. Один из них был спереди, и двое подталкивали его под локти в ее сторону.

– Не желаете ли потанцевать, мисс Стантон? – спросил он, качаясь из стороны в сторону, словно волна на море.

– Может быть, – ответила Джессика с притворной улыбкой, надменно вздернув подбородок. – Я бы потанцевала с джентльменом, который хотя бы делает вид, что он способен стоять без поддержки друзей. Вы, к сожалению, этим требованиям не отвечаете.

После ее слов двое юношей громко рассмеялись, а сам незадачливый кавалер, покраснев как рак, отступил и отвесил такой низкий поклон, что чуть было не свалился на пол. Это вполне могло произойти – юный джентльмен едва стоял на ногах.

Джессика отвернулась, показывая, что вся троица ее совершенно не интересует. Она смотрела в угол до тех пор, пока молодые люди не отошли от нее. После этого Джессика обвела взглядом бальный зал. Леди Драммонд пока не появилась, но зато она увидела свою кузину Мелинду Уоллес, герцогиню Холлингсворт, которая шла прямо к ней. На ее губах играла улыбка.

– Я вижу, ты разрушила надежды еще одного благородного юноши потанцевать с недоступной мисс Джессикой Стантон, – сказала кузина, присаживаясь рядом.

Джессика ответила ей с тяжелым вздохом:

– Я буду очень рада, если благородные юноши перестанут питать какие-либо надежды по отношению ко мне.

Мелинда рассмеялась:

– Не стоит на это рассчитывать. Ты многих интересуешь своей недоступностью. Джеймс говорит, что в свете уже делают ставки, кому же удастся хотя бы пригласить тебя на танец.

Джессика опять тяжело вздохнула. Ее плечи поникли. Почему люди не могут оставить ее в покое? Мелинда накрыла ладонью сжатые в кулак пальцы Джессики.

– Твои попытки отгородиться от общества только всех раззадорили. Многие мужчины хотят стать первым, кто сможет разбить твою ледяную холодность.

Джессика видела в ее взгляде сочувствие и понимание. Мелинда была ей не только кузиной, но и другом, причем единственным. Едва научившись говорить, девочки уже играли вместе. С той далекой поры они стали близки, как сестры. Мелинда была одной из немногих в Лондоне, кто знал о ее тайне и относился к ней спокойно.

– Леди Драммонд уже здесь? – спросила она. Судя по нетерпеливому выражению лица, Мелинда тоже ждала появления этой дамы.

– Нет. И я не знаю, на сколько еще у меня хватит выдержки.

Мелинда понимающе улыбнулась, обнажая симпатичные белые зубки. Ее зеленые глаза вспыхнули от удовольствия.

– Я уже получила три комплимента по поводу моего платья, – сказала она. – Леди Симпсон не отставала от меня до тех пор, пока я не рассказала, кто мне придумал такой наряд.

Джессика улыбнулась в ответ:

– А ты объяснила, что это – единственный экземпляр? И что его создали специально для тебя?

– Да, – захихикала Мелинда. – А потом я упомянула имя портнихи. Случайно, конечно.

– Ну разумеется. – Джессика тоже не смогла сдержать улыбки.

– Уверена, что завтра днем к мадам Ламонт приедет новая клиентка. И все благодаря тебе. – Мелинда ободряюще сжала руку кузины и добавила: – Почему бы тебе не перейти со мной к окну? В этом углу очень душно, а из сада веет ветерком. Уверена, нам там будет лучше.

– Нет, Мел, – покачала головой Джессика. – Хватит и того, что я вообще появилась на балу. Мне не хочется привлекать к себе лишнее внимание.

– Никто не заметит, Джесс. Обещаю, я буду рядом и помогу, если…

– Пожалуйста, не надо, – прервала ее Джессика, тронутая искренней заботой кузины. – Я привыкла к одиночеству. Мне так нравится.

– Это поможет остановить сплетни. А то все считают тебя чуть ли не дикаркой.

– Мне все равно. – Джессика посмотрела на опустевшую лестницу, потом опять на Мелинду. Подруга смотрела на нее слишком серьезно, и ей это не нравилось. Лукаво улыбнувшись, Джессика произнесла: – Хочешь, я расскажу тебе все, что узнала, пока сидела тут и притворялась серой мышкой?

Глаза Мелинды засветились от радостного предчувствия.

– Ах ты, коварная шпионка! Конечно!

От этих слов Джессика рассмеялась.

– Значит, вот я кто! Ну ладно, дай-ка вспомнить. – Она приложила один изящный палец к щеке и задумчиво подняла взгляд к потолку. – Итак, леди Друзилла Энглвуд, само воплощение благовоспитанности, сейчас тайно встречается в оранжерее с одним джентльменом. По ее словам, от близости с ним она «чуть не падает в обморок».

– Не может быть! – изумленно воскликнула Мелинда. – И кто он?

– Лорд Дукеннен.

– У них что, любовь? – спросила Мелинда, недоверчиво глядя на нее во все глаза.

– Да. И очень большая.

– Но она выходит замуж за герцога Эдингтона.

– Только потому, что отец Друзиллы желает выдать дочь за герцога или, по крайней мере, маркиза. Дукеннен всего лишь барон.

– Бедная Друзилла. Она очень милая, – сказала Мелинда.

– Ужасно, что никто не желает посмотреть азалии хозяйки бала, – лукаво заметила Джессика. – Я слышала, они очень красивы в это время года.

– О нет, Джесс. Если их застанут вдвоем, разразится страшный скандал.

– Про скандалы рано или поздно забывают. А брак с нелюбимым мужчиной – это агония, которая длится всю жизнь.

Подруги обменялись серьезными взорами.

– Какие интересные у тебя суждения, Джесс, – проговорила Мелинда. – А я и не знала, что ты стала настоящим романтиком.

– Вряд ли меня можно назвать романтичной. Я просто вижу, что двух влюбленных насильно разделяют. Ведь Друзилла и Дукеннен любят друг друга. Грешно заставлять ее выходить замуж за другого.

Мелинда задумчиво закусила нижнюю губу.

– Хватит ли у нас смелости? – спросила она, глядя на дверь, ведущую в оранжерею.

Джессика ласково сжала ладонь Мелинды и ответила:

– Смотри, вон стоит лорд Парли и разговаривает с сестрой леди Манстер. Я слышала, он обожает цветы. Может, ему будет интересно показать своей даме азалии герцогини?

Мелинда согласно кивнула и, встав, сказала:

– Я принесу нам по стаканчику пунша и намекну ему на это.

Джессика довольно посмотрела на нее и опять расправила плечи.

– Если увидишь мужа, – сказала она, – передай, чтобы Джеймс держался подальше от акционерного общества, которое затевает лорд Мотли. Он ищет инвесторов для своего нового торгового предприятия. Боюсь, организаторам нельзя доверять. Я сомневаюсь в законности их планов. В разговоре они произносили такие слова, как «контрабанда» и «незаконный груз».

– Как ты об этом узнала?

Джессика ответила, пожимая изящными плечами:

– Удивительно, о чем только не говорят люди, когда думают, что их никто не слышит.

– Ладно, я пошла за пуншем. Скоро вернусь.

Джессика проводила подругу взглядом, а потом опять повернулась в сторону входной лестницы. Леди Драммонд, похоже, собиралась перещеголять всех великосветских дам в модном стремлении появляться на балах с опозданием.

Джессика разочарованно вздохнула и стала смотреть на танцующие пары, которые едва помещались в огромном зале для приемов. На мгновение она забыла обо всем, наблюдая за кружением толпы, сияющей всеми цветами радуги. Из этого состояния ее вывело появление Мелинды. В руках она держала два бокала.

– Лорд Парли очень заинтересовался азалиями, – сказала подруга. – А Джеймс попросил сказать тебе спасибо. Он знает, о какой авантюре ты говоришь, и благодарен за предупреждение.

Джессика взяла бокал и сделала глоток.

– Ты видела сегодня леди Эллис? – спросила она подругу. – Кто-то должен уже сжалиться над ней и объяснить, что в этом платье она выглядит нелепо. У нее слишком полная фигура для такого откровенного наряда, и женщине в ее возрасте не следует носить розовое. Ей лучше…

Вдруг Мелинда молча схватила подругу за плечо, и она тут же смолкла. Ее встревоженный взгляд удивил Джессику, и когда та приложила палец к губам, это чувство только усилилось. Джессика посмотрела по сторонам и обнаружила, что все в зале застыли на месте. Она никогда не видела ничего подобного. Это было очень странно.

Ошеломленные слуги встали как вкопанные, держа в руках подносы с бокалами. Музыканты неловко замерли с поднятыми в воздухе смычками. Скрипки смолкли, и сотни изумленных танцоров застыли, словно статуи в саду, открыв рты.

Джессика в замешательстве взглянула на Мелинду, и та изо всех сил сжала ее руку. Видимо, только что случилось нечто настолько невероятное, что это событие буквально парализовало все великосветское общество Лондона. Лицо Мелинды стало испуганным, и тогда Джессика глянула в ту сторону, куда смотрели все вокруг. На самом верху лестницы она увидела стоявшего в одиночестве мужчину.

И тут с ней случилось нечто невероятное – на какое-то время она словно выпала из реального мира, завороженно глядя на незнакомца, чувствуя его присутствие каждой клеточкой тела. Этот мужчина завладел ее вниманием, и Джессика слишком поздно поняла, что не в силах отвести взгляд от его высокой внушительной фигуры. Незнакомец просто стоял и смотрел вниз на изумленную толпу. От его горячего взгляда у Джессики мурашки побежали по коже.

Она неотрывно смотрела на нового гостя, ожидая, что тот сейчас сделает какое-то движение. Исходившая от него сила пугала ее и одновременно притягивала, и от этого ей было не по себе.

Мужчина стоял прямо, высоко подняв голову и расставив мускулистые ноги. Казалось, он готовился к битве.

Его черный длиннополый фрак едва налезал на широкие плечи, белоснежная манишка контрастировала с загорелой кожей. Своим высоким ростом и мускулистой фигурой незнакомец подавлял всех присутствующих мужчин в зале. Но не это заставляло неровно биться сердце Джессики, а полный смертельной угрозы взгляд незнакомца. Казалось, он был готов расправиться с любым представителем великосветского общества, который осмелился бы усомниться в его праве быть здесь.

Но никто не бросил ему вызов. Все стояли и смотрели на него, затаив дыхание. Они просто боялись его.

Незнакомец помедлил, как будто желая, чтобы изумленная толпа до конца прочувствовала ситуацию, а потом стал медленно, ступенька за ступенькой, спускаться по лестнице. Оказавшись в самом низу, мужчина поприветствовал хозяев с таким самоуверенным спокойствием, словно не замечал, что все вокруг следят за каждым его движением.

Джессика не хотела пропустить ни одной детали и наклонилась влево, глядя мимо полного джентльмена, который наполовину загораживал ей вид. Она завороженно смотрела, как широкоплечий мужчина наклонился и поцеловал руку герцогини. Судя по ее побледневшему лицу, она совершенно не ожидала такого поворота.

Затаив дыхание, Джессика ждала, когда же разразится буря. Удивительный незнакомец отвесил вежливый поклон. Суровое выражение его глаз не смягчилось, жесткие линии лица не расслабились. Когда он выпрямился в полный рост, герцогиня прижала дрожащую руку к сердцу. Похоже, ей стало по-настоящему дурно.

Мужчина понял, что хозяйка близка к обмороку, и потому коротко кивнул и пошел прочь. А несчастная хозяйка дома в итоге все-таки упала без чувств на руки своего мужа.

Странный незнакомец, казалось, не замечал того хаоса, который воцарился на балу из-за него. Он прошел в бальный зал, взял бокал у онемевшего лакея, а потом медленно внимательно огляделся вокруг.

Вдруг, неожиданно для себя самой, Джессика встала и шагнула вперед. Словно какой-то таинственный голос судьбы шепнул ей, что она должна обязательно получше разглядеть мужчину, прежде чем тот исчезнет из виду.

Незнакомец заметил ее движение, и его горячий пристальный взгляд встретился со взглядом Джессики.

Все ее чувства моментально обострились. Мурашки еще быстрее забегали по спине, сердце забилось чаще, усиливая неприятное ощущение неловкости.

Мужчина нахмурился, и его брови превратились в одну широкую угрожающую линию. Выражение лица незнакомца словно предупреждало: он видит Джессику так же хорошо, как и она его. И он начеку.

Мужчина словно приковал Джессику к себе этим пристальным взглядом. От ее спокойствия и невозмутимости не осталось и следа. Кровь Джессики превратилась в огонь. Она хотела вдохнуть и не могла.

Незнакомец держал ее взглядом и вдруг отпустил. Сердце Джессики бешено прыгнуло в груди, как будто она упала с большой высоты. А мужчина направился к стеклянным дверям, за которыми был сад.

Ночная темнота окружила его, как будто он был ее порождением, и спрятала в своей чернильной черноте.

Мелинда буквально упала на стул и, уставившись в сторону сада, заявила:

– Он вернулся.

– Кто это был? – Джессика тоже смотрела на раздвинутые стеклянные двери, надеясь, что мужчина скоро вернется.

– Саймон Уорленд, граф Норткот.

– Его появление вызвало настоящий переполох. – Джессика обвела взглядом бальный зал. Никто из гостей не танцевал, лица у всех были встревоженные. Самые любопытные ходили от одной группы людей к другой, где громко обсуждали скандальное появление графа.

– Не могу поверить, что он пришел, – сказала Мелинда.

– Почему?

– Из-за скандала. Его отец погиб три года назад, и почти все считают, что его убил сам Норткот.

– А ты – нет?

Мелинда вздернула подбородок и ответила:

– В это не верит мой муж. Он дружит с графом с детства и считает, что тот не способен на убийство.

– Почему же он вернулся в общество? – спросила Джессика, удивляясь, как безоговорочно Мелинда полагалась на мнение супруга.

– Есть только одна причина, – решительно заявила подруга. – Ему нужно найти жену.

Джессика недоверчиво посмотрела на Мелинду, подняв брови. Судя по реакции присутствующих на балу девушек на выданье, они скорее бы легли в могилу, чем вышли за графа Норткота.

– Жену? – переспросила она.

– Да, – кивнула головой Мелинда. – Саймон разорен, и Джеймс говорит, что если не произойдет чуда, он все потеряет. К концу месяца поместье Норткотов должно перейти к кредиторам.

Джессика опять глянула в ту сторону, куда ушел граф. Она старалась разглядеть в темноте за дверями его силуэт.

– Мне жаль ту женщину, которая решится принести себя в жертву, – сказала Джессика. – Наверное, ее ждет незавидное будущее.

Непонятно почему, но она чувствовала, как будто между ней и графом есть какая-то связь. Их судьбы как две нити на одном куске материи – они не пересекались, но без них не получался узор.

Может, это потому, что они оба не были полноправными членами светского общества, хоть и принадлежали к нему по праву рождения.

Джессика обернулась в сторону лестницы, по которой в зал спускались гости. На ее верху стояла леди Драммонд, величественная, как королева. На ней было

платье, ради которого Джессика пришла на этот бал.

Ее сердце сжалось от волнующего предчувствия и забилось быстрее. Наряд оказался восхитительным, прекрасным, достойным богини. Это было ее самое лучшее творение. Ей не терпелось увидеть, как на него отреагируют гости.

Джессика обвела взглядом зал, предвкушая восхищенные улыбки и удивленные вздохи. Но никто из гостей даже не смотрел в сторону лестницы. Все глядели сквозь открытые двери на террасу – туда, где исчез в темноте граф Норткот.

Джессика почувствовала, как все внутри нее опустилось. Леди Драммонд и ее новый наряд никого не интересовали. Вряд ли гости вообще заметили ее появление.

Саймон Уорленд постарался расслабить мышцы спины. Черт побери, появление в обществе далось ему сложнее, чем он предполагал. Граф сделал большой глоток превосходного бренди, которым угощал герцог Стратмор своих гостей, и уставился в темноту. Позади раздался звук приближающихся шагов, и его мышцы опять напряглись. Но когда незнакомец заговорил, он сразу расслабился.

– Да уж, Саймон, наделал ты шума. Твое появление будут обсуждать еще много недель.

Его давний друг Джеймс Уоллес, герцог Холлингсворт, пересек террасу и встал рядом с ним.

– Разве я мог пропустить такой бал? Это одно из самых важных событий сезона. – У Саймона сжалось сердце, но он подавил эмоции и глянул на дрожащую в хрустале янтарную жидкость. Наверное, ему лучше допить бренди залпом. Саймон уже поднес бокал к губам, но остановился, когда услышал слова Джеймса:

– Ты опоздал. Розалинд уехала десять минут назад.

Саймон еще сильнее обхватил пальцами тонкий хрусталь и сжал его.

– Какое невезение. А я так хотел повидаться с мачехой. – Издав притворный вздох, он опрокинул содержимое бокала себе в рот. Жидкость огненной рекой разлилась до самого желудка. И это ощущение ему очень понравилось.

– Признаться, я не ожидал увидеть тебя тут, – проговорил Джеймс, – но мое удивление не идет ни в какое сравнение с шоком бедной герцогини. Боюсь, она до сих пор не может прийти в себя.

– Прости, что не предупредил тебя, – со слабой улыбкой сказал Саймон. – Я до последнего момента не знал, удастся мне попасть на бал или нет. Ты же понимаешь, что приглашение мне никто не присылал.

– Могу ли я поинтересоваться, где ты его взял? – спросил Джеймс, скрещивая руки на груди и прислоняясь бедром к кованому ограждению террасы.

– Сегодняшнему веселью я обязан моему адвокату. Он знает человека, который знает человека, который… – Саймон рассмеялся. – Ну, ты понимаешь. – Он откинул голову и глубоко вдохнул ночной воздух. – Надеюсь, это не слишком дорого ему обошлось. Боюсь, я сейчас в таком положении, что еще не скоро смогу отплатить ему за помощь.

– Сколько бы это ни стоило, деньги были потрачены не зря, – ухмыляясь, заявил Джеймс. – Сколько шума ты наделал! Я никогда не видел такого переполоха. Жаль, что в зале уже не было Розалинд.

– Да. Очень жаль. Я хотел встряхнуть их всех.

Джеймс рассмеялся, а потом сказал:

– Если это была твоя цель, то ты достиг ее. Видел барона Вулзи? Чтобы удержаться на ногах, этот старый напыщенный дурак ухватился за статую богини Венеры – и как раз в самом неприличном месте! Красная от стыда баронесса едва смогла разжать его руку. Я было подумал, что стоявший рядом граф Карлайл сейчас точно упадет и его придется уносить на носилках. К счастью, графиня Карлайл толще его в два раза, и ей удалось удержать супруга на ногах.

Саймон попытался улыбнуться, но не смог. У него были совсем другие воспоминания. Он помнил шокированные взгляды, полные ужаса и отвращения. Лица, выражавшие изумление и страх.

– Они уверены, что это я его убил. Я прочитал это в их глазах. – Слова не улетели в ночной воздух, а подобно тяжелому ярму легли на плечи Саймона.

– Ну, ты же знаешь наше великосветское общество, – сказал его друг ровным, просто указывающим на факт голосом. – Чем невероятнее история, тем сложнее найти ей опровержение. – Джеймс помолчал, а потом все-таки задал главный вопрос: – Почему ты вернулся в Англию?

Саймон перевел дыхание, не зная, что сказать. Он и сам спрашивал себя об этом тысячу раз. Покачав головой, Саймон ответил:

– Я не знаю. Может, чтобы еще раз повидать Рейвнскрофт. Въехать через старинные ворота, подняться по лестнице, пройтись по комнатам. Вспомнить прошлое и сжать в кулаке родную землю, прежде чем потерять ее навсегда. Чтобы попрощаться с ней.

– Ты ничего не можешь сделать?

Сердце Саймона болезненно сжалось, и он сглотнул ком в горле.

– Кредиторы послали уведомление еще до того, как я покинул Индию, – сказал он. – Поместье разорено.

– А если бы ты приехал раньше?

– Это было невозможно, – после небольшой паузы ответил Саймон. В бокале еще оставалось немного бренди, и он допил его, впуская внутрь пьянящий огонь, который мог на минуту согреть ледяную кровь в его жилах. – Ты думаешь, отец сам себя убил?

– Не знаю, – покачал головой Джеймс. – Его тело нашли у подножия скалы на следующее утро после твоего отъезда. Возможно, он слишком много выпил и потерял равновесие.

– Но ты так не думаешь?

– Боюсь, правду мы никогда не узнаем. Кроме твоей мачехи, больше в поместье никого не было. А она говорит, что ничего не видела.

Саймон надолго замолчал. Он просто вдыхал прохладный воздух и чувствовал, как бренди приятно согревает его тело.

– Забавно, – наконец сказал Саймон, ставя пустой бокал на ограждение. – Пока отец был жив и проматывал состояние, я никак не мог его остановить. Теперь он мертв, но я опять бессилен, и родовое поместье уходит уже из моих рук.

Саймон закрыл глаза. Может, ему не стоило возвращаться. Не самый мудрый поступок – ехать в замок, который служил Норткотам домом со времен короля Эдуарда IV, и знать при этом, что скоро он будет навсегда потерян для тебя.

– Позволь мне помочь. Я бы мог…

Саймон открыл глаза.

– Не надо, Джеймс.

– Но это твои деньги. В ту ночь твой отец напился до бесчувствия и делал астрономические ставки. Я решил, что лучше пусть он проиграет деньги мне. Я хотел отдать их, когда он протрезвеет. Но на следующее утро его тело нашли у скалы.

Саймон молча смотрел в темноту.

– Саймон, это твои деньги.

– Я не возьму их. Если он правда убил себя, то, наверное, потому что протрезвел и понял, что натворил.

– Позволь мне все-таки помочь тебе. Я богат как Крез и могу дать тебе взаймы.

– Нет, Джеймс. Мое положение не настолько безнадежно, чтобы принимать подаяния. Даже от тебя.

– Никакое это не подаяние. Я даю деньги взаймы.

– Перестань.

Джеймс ненадолго смолк, а потом повернулся к другу и, выпрямившись, решительно заявил:

– Есть еще один путь.

– Нет, – поднял руку Саймон.

– Выслушай меня до конца и подумай, прежде чем отвергать предложение. – Он перевел дух и произнес: – Ты мог бы найти богатую жену.

– Жену? – с горьким смехом переспросил Саймон. – Я больше никогда не предложу свое имя ни одной женщине. А даже если бы и так, какая женщина вышла бы замуж за мужчину, который, по мнению света, убил своего отца? Какой отец согласится отдать дочь Саймону Уорленду, опозоренному, разоренному графу без денег и поместья?

– Но…

– Нет! – отрезал Саймон, сдвинув брови.

– А как же насчет наследника?

Губы Саймона сложились в язвительную ухмылку.

– Наследника чего? К концу месяца мне уже будет нечего оставлять своим сыновьям.

– Не может быть, чтобы все было так безнадежно. Уверен, найдется много богатых…

– Нет! – Саймон отвернулся от друга и, облокотившись о парапет террасы, обхватил голову руками. – Пусть лучше мой дом выставят на аукционе, чем я соглашусь жениться ради денег.

– Но тогда ты потеряешь все – и состояние, и поместье, и дом в Лондоне.

– Ну и пусть! – упрямо воскликнул Саймон. – Я лучше пойду просить милостыню на улицу, Джеймс, чем снова стану унижаться перед женщиной.

На террасе воцарилась неловкая тишина. Но в итоге Саймон все-таки повернулся к другу и сказал:

– Прости, Джеймс. Меня вдруг накрыла жалость к самому себе. Обещаю, больше такого не повторится.

– Ничего страшного, я понимаю твои чувства, – примирительно сказал герцог. – Ты уже был в Рейвнскрофте?

– Нет, я еду туда завтра. Меня не было три года, и я не знаю, что найду дома. Может, еще не все вещи продали или отнесли в ломбард.

– Твой отец… – Джеймс неловко откашлялся. – Я знаю, что его похоронили в семейном склепе в Рейвнскрофте.

Сглотнув комок в горле, Саймон спросил:

– Кто-нибудь пришел с ним попрощаться? Старые друзья?

– Было немного, – не сразу ответил Джеймс. – И слуги.

– И ты, – добавил Саймон.

– Да, и я.

– Спасибо. – Саймон глянул на пустой бокал из-под бренди. Он хотел выпить еще, но, к счастью, больше не было. Он и так провел слишком много дней в

пьяном угаре до и после смерти отца. Чтобы с честью выдержать испытание сегодняшней ночью, ему следует оставаться трезвым. А завтра он может выпить и забыть обо всем.

– Пойдем, – сказал Джеймс, поворачиваясь в сторону бального зала, – представлю тебя жене. Мы еще немного побудем тут, а потом уже уедем, и пусть злые языки общества и дальше перемывают тебе косточки.

– Ты женился на той милой невинной девушке, о которой говорил, когда… – Саймон слегка запнулся. – Или это было до того?

– Да, – пришел ему на помощь Джеймс, заполняя неловкую паузу. – Мелинда Эвертон. Теперь – Мелинда Уоллес, герцогиня Холлингсворт.

– И ты счастлив?

– Да, счастливее не бывает.

Джеймс хлопнул Саймона по плечу и добавил:

– Как бы я хотел, чтобы ты встретил девушку, хотя бы наполовину столь же прекрасную, как моя Мел. Да ты сам сейчас увидишь.

– Тогда, дружище, скорее веди меня к любви всей твоей жизни, пока у меня еще есть силы встречаться с шокированной публикой.

– Моя Мелинда очарует тебя еще до того, как я закончу вас знакомить. Твое появление даже самых сильных выбило из седла, но она на твоей стороне и сделает все возможное, чтобы убедить всех вокруг, какой ты хороший.

– Я что, всех напугал?

– Конечно. Когда ты вышел, герцогиня Стратмор лишилась чувств.

– Понятно, – улыбнулся Саймон. – Честно говоря, меня не волнует, что обо мне думает общество. А страх – такое же нормальное чувство, как и остальные.

Глава 2

Джессика проснулась рано и уже не смогла заснуть. Она все вспоминала, как леди Драммонд стояла на верху лестницы, готовая появиться во всем великолепии на балу герцогини Стратмор. В такой момент все великосветские гости должны были смотреть на нее, замерев от изумления, как античные статуи в саду, восхищенные ее красотой и великолепием наряда, который придумала Джессика.

Но на нее никто не смотрел.

Гости, забыв обо всем на свете, обсуждали неожиданное появление графа Норткота. А Джессика и сейчас не могла забыть выражение его лица. Глядя на него, она ощутила, что под маской равнодушия Норткот тщательно скрывает душевные муки. Интересно, подумал ли так кто-нибудь еще, кроме нее?

Высокий, внушительного вида незнакомец возвышался над толпой, и его глаза пылали неистовой злостью, которая прожигала Джессику насквозь. Конечно, леди Драммонд в ту секунду никого не интересовала.

Черт бы его побрал!

Джессика с разочарованным стоном откинула одеяло, встала и направилась к умывальному столику в углу. Она плеснула на лицо пахнущую розовым маслом воду и, когда холодные капли коснулись ее разгоряченной кожи, словно очнулась. Ей в голову пришел отличный план.

Ей нужно создать для леди Драммонд новый наряд, такой же восхитительный, как и прежний. Только на этот раз, когда она появится в нем на публике, графа Норткота не будет, и все откроют рты от изумления при виде такой красоты.

Джессика вынула первое попавшееся платье из шкафа и надела его. У нее было всего лишь четыре дневных туалета и два получше, для появления на публике, потому времени на выбор тратить не приходилось.

Она носила только самые простые, обыкновенные платья, поскольку не хотела привлекать к себе внимание. К тому же Джессика опасалась, что по ее нарядам дамы могут узнать в ней того таинственного дизайнера, к которому они выстраивались в очередь, чтобы заказать бальный туалет.

Джессика собрала свои длинные темно-русые волосы в строгий пучок, который носила и в будни, и в праздники, а потом расправила белый накрахмаленный воротничок. Она шагнула к двери, но остановилась, услышав стук. На пороге появилась Марта, ее няня в детстве, а теперь – личная горничная.

– О, я рада, что ты проснулась, детка. Внизу в утренней гостиной тебя ждет мистер Кемпден.

– Айра здесь? – Джессика нахмурилась. – О боже. Я надеюсь, он пришел не ради платья, которое я обещала придумать его жене на день рождения! Оно пока не готово. Я не нашла нужный оттенок для шелковых оборок. Мадам Ламонт обещала прислать еще образцов. Айра сказал, что пришел из-за наряда?

– Нет, мисс.

Джессика глянула в зеркало, а потом повернулась к двери.

– Вели миссис Гудсон принести нам чаю и бисквитов.

– Разумеется, мисс.

Джессика вышла из спальни и побежала вниз по лестнице, перепрыгивая через ступеньку, как восемнадцатилетняя девушка. Появление Айры всегда так на нее действовало. Он был давним другом и советчиком ее отца, а после его смерти стал для нее по-настоящему родным человеком. Джессика считала Айру своим другом, и, значит, он тоже входил в круг тех немногих, которые знали о ее тайне.

– Доброе утро, Айра, – поздоровалась Джессика, входя в утреннюю гостиную и широко улыбаясь гостю.

Стоявший у окна мужчина повернулся и глянул на нее. За его спиной лил дождь, унылое серое утро окрашивало гостиную в ужасный серый цвет. Джессика обычно подбегала к нему и крепко обнимала. Но сейчас на лице Айры было такое выражение, что она сдержала порыв.

– Я тебя не ждала, – сказала Джессика. Ее улыбка погасла. – И не успела до конца придумать наряд для Эстер. Ты ведь за ним пришел?

Айра покачал головой.

– Нет, я тут не ради этого, – сказал он.

Глубокие морщины тревоги прорезали лоб дорогого гостя, в его глазах Джессика увидела страх. Ей стало не по себе. Она заметила, что Айра судорожно прижимает к груди коричневую кожаную папку для бумаг.

Вздохнув, Айра положил ее на стол и протянул руки к Джессике. Она тут же устремилась в его теплые объятия.

– Случилось что-то плохое? – спросила девушка, когда приветствие закончилось.

Айра взял руку Джессики своей мягкой рукой, а потом прижал ее к груди.

– Да, случилось нечто ужасное. Тебе лучше присесть, Джессика.

Ее сердце сжалось от нехорошего предчувствия. Она села в кресло и стала ждать, когда Айра объяснит, что заставило его так волноваться.

– В чем дело? Наверняка все не так страшно, как ты думаешь.

Друг, который заменял ей отца с пятнадцати лет, посмотрел на нее и покачал головой. Джессика похолодела от страха.

– Не знаю, как сообщить тебе об этом, – сказал Айра, вытирая пот со лба, – но… – Он запнулся. – Ох, Джессика, я только что узнал, что твой сводный брат, барон Танхилл, жив!

У Джессики сдавило грудь, словно на нее обрушилась скала. Она инстинктивно ухватилась за ручки кресла. У нее не было сил вдохнуть воздух. Нет, такого не может быть!

– Что? – шепотом спросила она.

– Лорд Танхилл жив. И он возвращается в Англию.

– Нет. Это какая-то ошибка, – произнесла Джессика, чувствуя, как кровь отхлынула от ее лица.

– Нет, дорогая. Он действительно жив. Мой друг только что вернулся из Индии и сказал, что видел его там. Я навел справки, убедился в этом и только потом приехал к тебе.

– Он умер, – возразила Джессика, качая головой. – Нам так сказали. Он утонул десять лет назад, и его тело выловили в реке.

– Да, твой брат хотел, чтобы все поверили в его смерть. Но это неправда.

Джессика встала с кресла. У нее дрожали ноги. Кожа стала холодной и влажной, дышать ей удавалось с большим трудом.

– Я в это не верю, – сказала она. – Зачем ему надо было инсценировать собственную смерть? Для какой цели?

– Лорд Танхилл задолжал одним опасным людям огромную сумму денег. Убедив всех в своей смерти, он избавился от долгов.

– Тогда зачем рисковать и возвращаться в Англию?

Лицо Айры стало еще мрачнее.

– Он возвращается за твоим наследством.

– Наследством? – со смехом переспросила Джессика. – Но у меня нет никакого наследства.

– Пожалуйста, Джессика, сядь. – Айра взял ее за руку и усадил обратно в кресло, потом взял папку со стола и сел на диван напротив. Джессика наклонилась вперед, не желая пропустить ни одного слова. – Я думал, что об этом никто не знает, кроме меня, – начал Айра, сжимая папку. – И был уверен, что унесу этот секрет с собой в могилу. Но теперь слишком поздно. Каким-то образом Танхилл узнал об этом.

– О чем, Айра?

Он вздохнул и вынул из папки какую-то бумагу.

– Это завещание твоего отца. В нем говорится, что твой дом в Лондоне и все в нем должны перейти к твоей мачехе, баронессе Танхилл, а после ее смерти – к ее сыну лорду Танхиллу.

Слова Айры будто взорвались внутри нее. Казалось, голова просто не выдержит такого ужаса и разлетится на куски. Джессика сжала ладони в кулаки, пытаясь взять себя в руки. Она не могла потерять свой дом. Это было ее убежище. Надежная гавань, в которой она пряталась от любопытных взглядов и болтливых языков.

– Это ужасно, – сказала Джессика, борясь со слезами, которые были готовы уже закапать по щекам.

– Завещание составлено достаточно хитро, – произнес Айра. – В нем говорится не только о доме. Согласно последней воле мистера Стантона, когда тебе исполнится двадцать пять лет, лорд Танхилл получит твой дом и все в нем. А вот деньги, завещанные отцом, перейдут к твоему мужу.

– Мужу? – удивленно воскликнула Джессика. – Но я же не замужем.

– Твой отец считал, что проживет еще долго и найдет тебе хорошего мужчину, который станет должным образом заботиться о его дочери.

Джессика откинулась на спинку кресла. Что же ей делать? Дом скоро достанется ее сводному брату, и куда же теперь деваться? О том, что ей все-таки придется выйти в мир людей, не могло быть и речи. Ей едва хватало храбрости выходить на балы, куда ее приглашали. И она появлялась там только с Мел и только для того, чтобы увидеть воочию одно из своих платьев.

– Как бы я хотела, чтобы папа никогда не женился на этой леди Танхилл! – в сердцах воскликнула Джессика. – Эта женщина не любила его.

– Да, она была разорена, – покачав головой, согласился Айра. – И вышла замуж ради денег. Но и твой отец женился на ней только из-за титула. После болезни твой отец так и не смог смириться с тем, что случилось. В его глазах ты осталась прежней девочкой, и потому он даже подумать не мог, что тебе будет сложно найти мужа. Ради твоего будущего отец женился на леди Танхилл. Он считал, что если добавит к своим деньгам еще и титул, то его дочери не составит труда занять самое высокое положение в обществе и выйти замуж за достойного человека.

Джессика ничего на это не ответила. Конечно, Айра говорил правду. Но какое это имеет отношение к тому, что происходит сейчас?

Джессике стало совсем нехорошо. Действительно, новость, которую сообщил ей друг отца, поразила ее в самое сердце. Не важно, есть у нее муж или нет, – согласно завещанию она в любом случае теряла дом и все, что в нем находилось.

Джессика подняла голову и посмотрела на Айру. Может, он подскажет ей выход?

Друг отца заговорил. Но сказал он совсем не то, что хотела услышать от него Джессика. Нежно взяв ее руки в свои, пожилой мужчина заявил:

– Это еще не все, дорогая.

После такого заявления комната закружилась у Джессики перед глазами. Если бы она стояла, то, наверное, упала бы на ковер.

– Не может быть, – прошептала девушка. – Но у меня ничего нет, кроме дома. Колину больше нечего у меня забирать.

– Ты забыла про деньги, о которых я сказал в самом начале.

– И что с ними?

Айра помрачнел еще больше. Ему явно не хотелось отвечать на вопрос, но он все-таки сделал это:

– Ты не замужем, следовательно, они перейдут к тебе.

Эти слова как громом поразили Джессику.

Наследство перейдет к ней!

К ней!

Джессике захотелось смеяться. Она облегченно перевела дух и воскликнула:

– Ну, тогда все в порядке! Не понимаю, почему ты такой печальный? – Она радостно сжала руки Айры и добавила: – Ох, Айра. Значит, волноваться не о чем, разве ты не видишь? У меня будет наследство, пусть и маленькое, а еще мне платят деньги за мои наряды, так что я как-нибудь справлюсь. Мне не нужно много денег, и я буду тщательно следить за расходами.

Джессика понятия не имела, сколько денег завещал ей отец, но это было не важно. Дамы света и дальше будут покупать ее наряды. Она сможет себя обеспечить.

Ей в голову пришла одна мысль, которая еще больше обнадежила ее:

– Кстати, Айра! Может, лорд Танхилл не захочет обременять себя содержанием дома в Лондоне? Может, он откажется от него?

Ей достаточно было одного взгляда на гостя, чтобы понять – Айра так не думал. Наоборот, его лицо помрачнело как туча. Он покачал головой и принялся с поникшими плечами перебирать бумаги в кожаной папке, пока не нашел нужный документ. Айра передал его Джессике со словами:

– Вот сколько ты будешь стоить, когда тебе исполнится двадцать пять. Это то самое «маленькое» наследство, которое тебе оставил отец.

Джессика пробежала глазами текст и в самом конце нашла нужную цифру. Ее лицо побледнело, голова опять закружилась. Никогда она не была так близка к обмороку, как в этот момент.

– Тут нет ошибки? – спросила Джессика.

– Цифра верная, – ответил Айра.

– Но… – Джессика опять глянула на ошеломительную сумму. – Откуда папа взял столько денег?

Айра налил в чашку едва теплого чая и глотнул. А потом сказал:

– Небольшую часть он унаследовал от своего отца. Но в основном это доход от торговой компании, которую основал мистер Стантон. Он хорошо вел дела, был очень бережливым и дальновидным. Да, порой ему просто везло, но в основном, конечно, такое богатство пришло к нему благодаря его способностям. Я бы назвал твоего отца гением по части торговли. Он был словно древнегреческий Мидас – к чему бы ни прикасался, все превращалось в золото. К нему за советами порой обращалась сама королева.

Джессика опять взглянула на огромную цифру внизу и сказала:

– Мне и в голову не могло прийти, что отец скопил так много денег. Я была бы рада и небольшой сумме, которая поддержала бы меня сейчас и в старости.

– Очень жаль, что мой друг действительно не оставил тебе такое скромное наследство, – убежденно сказал Айра. – По мне, так это просто ужасно, что в свои двадцать пять лет ты станешь одной из самых богатых женщин в Англии. При таком раскладе защитить тебя от Танхилла будет очень непросто.

Джессика недоуменно нахмурилась.

– Что это значит? – спросила она.

– Не знаю, как ему это удалось, но лорд Танхилл знает о твоем огромном наследстве.

– Почему ты так решил?

– Потому что он уже обратился за помощью к Персивалю Уэстчестеру, одному из лучших адвокатов страны. Мой близкий друг работает в его конторе. Как только ты получишь наследство, Танхилл начнет против тебя дело.

– Против меня? С какой целью?

– Чтобы доказать твою недееспособность, убедить суд, что ты не в в состоянии сама распоряжаться такой суммой. – Айра провел рукой по голове, приглаживая редкие седые волосы. – Танхилл собирает документы, чтобы стать твоим законным опекуном. А потом упрятать тебя в какую-нибудь закрытую лечебницу. Ему нужны эти деньги, и он пойдет на все, чтобы их получить.

У Джессики потемнело в глазах. Увидев, что ей стало дурно, Айра похлопал ее по щекам. Она вздрогнула и невидящим взглядом уставилась на него. А потом закрыла глаза, пытаясь прийти в себя.

Понятно, что под словом «лечебница» Айра имел в виду сумасшедший дом. Место, где здоровые люди держали под замком тех, кто хоть немного да отличался от них. О существовании которых все хотели забыть. В таких заведениях жестокость и насилие были обычным делом, а о доброте и сочувствии не стоило и упоминать. Общество прятало там всех, у кого был какой-то изъян, и забывало о бывших своих членах до самой их смерти.

Мысль о том, что ей, возможно, придется жить среди этой грязи, убожества и болезней, пугала Джессику до смерти. Действительно, она была готова скорее умереть, чем провести всю жизнь взаперти, в сером каменном мешке с решетками на окнах. Ей уже и раньше доводилось слышать угрозы о сумасшедшем доме, когда лорд Танхилл жил с ней под одной крышей. Повторения того ужаса она не перенесет.

– Колин способен на такое? – спросила Джессика. Но в глубине души она знала ответ. Конечно, способен. Ведь ему известна ее тайна.

Боже мой, как же ей было страшно!

Джессика проглотила ком в горле и добавила:

– Что мы можем сделать? Как нам справиться с ним?

– Есть только один выход, Джессика, – ответил Айра. – Ты должна выйти замуж. За сильного мужчину, который будет способен защитить тебя от Танхилла.

Джессика покачала головой:

– Но я не могу выйти замуж! – Она знала, что сказала это слишком громко. Наверное, сейчас ее голос походил на голос какой-нибудь сумасшедшей, за которую хотел выдать ее Колин. – Кто возьмет меня в жены, Айра? Кто из всего Лондона согласится жениться на дурочке?

– Ты не дурочка.

– Скажи об этом людям, которые станут переходить на другую сторону, если узнают о моей тайне. Скажи об этом тем, кто, как и мой брат, решит, что меня нужно запереть в сумасшедшем доме. Изолировать от общества.

– Брак – твое единственное спасение.

– Неужели ты не понимаешь? – с отчаянием в голосе воскликнула она. – О замужестве не может идти и речи. Ни один мужчина во всей Англии не согласится жениться на мне.

– Мне кажется, ты ошибаешься. У тебя теперь есть огромное наследство. От претендентов на твою руку не будет отбоя. Ради таких денег многие готовы жениться на ком угодно, а ведь ты еще очень молода и красива.

Джессика вскочила с кресла и принялась шагать из стороны в сторону. Ей надо было подумать, мысленно прокрутить все доводы «за» и «против» такого шага. Наконец она остановилась и сказала Айре:

– Предположим, я найду того, кто согласится взять меня в жены ради денег. Но ведь нет никакой уверенности в том, что он сам не сдаст меня в сумасшедший дом!

– Тут ты права, – согласился Айра. – Просто нужно отыскать такого мужчину, который был бы достаточно храбрым, чтобы противостоять Танхиллу, и достаточно благородным, чтобы не предать тебя в тяжелую минуту.

– Я не могу сделать это, Айра. Я не способна настолько довериться чужому мужчине, вручить ему свою жизнь.

– У тебя нет выбора. Одной тебе с Танхиллом не справиться. Нам известно, что этот человек на все пойдет, чтобы забрать твои деньги. Боюсь, что только человек такой же безжалостный и сильный, как и он, способен оградить тебя от сводного брата.

– Ты уверен, что Колин не сможет навредить мне, если я выйду замуж?

– Когда это случится, Танхилл уже никак не сможет забрать твои деньги, ведь по закону они перейдут к твоему мужу. А без них ты ему не нужна. К тому же у тебя появится защитник.

По щекам Джессики потекли слезы. Она упрямо вытерла их и прошептала:

– Но я не хочу замуж.

– Это единственный выход, дорогая.

Джессика молчала. Впервые с тех пор, как она оказалась оторванной от обычного мира людей, девушка поняла, что на этот раз ей одной не справиться.

– Я боюсь, Айра, – проговорила она.

– Это понятно. Я тоже боюсь.

Джессика достала носовой платок и вытерла предательские слезы, которые продолжали струиться по ее щекам.

– Айра, но у меня осталось совсем мало времени.

– Я знаю, – ответил пожилой мужчина.

Она собрала всю свою волю в кулак и выпрямила плечи. Ей исполнится двадцать пять уже через шесть дней…

В тот день они так и не пришли к какому-то решению. Айра скоро ушел, сказав, что его ждут неотложные дела. Стоя на пороге, он обнял ее и постарался утешить, как мог. Но в конце еще несколько раз повторил, что только поспешное замужество может спасти ее от сводного брата.

После его ухода Джессика опять заметалась по комнате, словно пойманное в клетку животное. Она знала натуру Колина, сама лично наблюдала, каким жестоким и подлым тот мог быть. И не представляла, где можно найти такого мужчину, который был бы настолько храбрым и безрассудным, чтобы не испугаться нападок Колина, и настолько добрым, чтобы не поддаться искушению и не сослать нелюбимую жену куда подальше.

Джессика думала об этом целый день, но ничего путного не шло ей в голову. Она не могла спокойно есть и только бесцельно бродила по дому. При мысли о том, что скоро ей придется покинуть его, уехать в никуда, у нее слезы наворачивались на глаза.

Наконец Джессика села в кресло и уронила голову на руки. Наступил вечер, и силы окончательно покинули ее.

И в этот самый тяжелый момент что-то щелкнуло у нее в голове. Вдруг перед мысленным взором Джессики возникла темная фигура высокого внушительного мужчины, который рискнул и пошел наперекор мнению общества. Джессика с усилием отогнала видение. Она отказывалась думать, что этот образ может стать реальностью. Да, ему хватило храбрости бросить вызов светским сплетникам, но это не значило, что он может справиться с дьявольской сущностью Колина.

Она подошла к окну, но за ним не было ничего, кроме темноты. Город замер и погружался в сон.

Мел сказала, что Норткот был самым близким другом ее мужа и что Джеймс готов доверить ему свою жизнь. Если герцог так высоко его ценит, значит, можно предположить, что он достаточно благороден, чтобы не предать беззащитную женщину. К тому же Джессике было известно, что Норткот отчаянно нуждался в деньгах. Он задолжал кредиторам и, чтобы расплатиться с ними, собирался продать родовое поместье.

Джессика закрыла глаза, и перед ней опять возник граф Норткот. На этот раз она представила, как исходящая от него несгибаемая мужественность окутывает ее, подобно невидимому плащу. Джессика позволила себе заглянуть в его пылающие глаза, с вызовом смотрящие на всех вокруг. И когда она оказалась под покровительством силы Норткота, то наконец ощутила себя в безопасности. Ей стало легко и спокойно.

Неужели такое возможно?

Ее сердце бешено забилось при мысли о том, что, вероятно, она нашла решение проблемы. В конце концов, разве граф вчера на балу не напугал до смерти весь лондонский свет? Она видела это собственными глазами. У Колина не хватит духу преследовать такого человека.

Джессика стала обдумывать эту идею, задавая те вопросы, ответы на которые помогли бы ей четко представить всю ситуацию. Разве Мел не говорила, как отчаянно он нуждается в браке с богатой женщиной? Ведь граф может скоро потерять свое родовое поместье, если только ему не удастся жениться на больших деньгах. А для нее такое замужество станет идеальным решением ее единственной и самой страшной из возможных проблем.

Брат больше не будет ей угрожать, а граф спасет поместье от продажи на торгах. Им обоим этот союз принесет только выгоду. Конечно, она никогда не будет требовать от него привилегий, полагающихся жене графа. Подумав, Джессика решила, что и сам Норткот не захочет выводить ее в свет в качестве своей супруги. Особенно когда узнает о ее тайне.

Джессика сдвинулась на самый краешек кресла, еще раз обдумывая свое решение. И с каждой секундой оно нравилось ей все больше. Ей было страшно вручать свою жизнь в руки незнакомого мужчины, но еще страшнее было знать, что ее сводный брат готов пойти на любую подлость, чтобы добраться до денег.

Джессика почти не сомневалась – с помощью адвокатов Колин в итоге упрячет ее в сумасшедший дом.

Итак, решение было принято. Она тут же встала и дернула за шнур звонка.

– Ходжкисс, велите приготовить карету, – приказала Джессика.

Глава 3

Саймон вытянул длинные ноги к камину и удобнее уселся в большом кресле с кожаной обивкой темно-малинового цвета. Уютное сиденье с высокой спинкой было одним из немногих предметов мебели, которые остались в его лондонском доме.

Саймон потрогал треугольную дыру в коже, радуясь тому, что из-за этого дефекта кресло отказались принимать в залог. Он также радовался, что на кровати у изголовья обнаружилось пятно, а одна ножка у его письменного стола вдруг начала болтаться. В огромном доме оставалось совсем немного вещей, которые из-за всяких поломок пока не забрали кредиторы.

Саймон обвел взглядом полупустой кабинет, а потом взял бутылку со стола и вылил остатки янтарной жидкости к себе в бокал. Он выпил бренди залпом и поставил бутылку на пол. Та покачалась из стороны в сторону и упала.

Саймон хотел опьянеть. Ему надо было забыть о сегодняшнем дне.

Его слуга Санджай, которого он привез из Индии, словно прочитал его мысли. Темнокожий, небольшого роста мужчина пересек комнату и, как всегда очень тихо и осторожно, поставил на стол вторую бутылку, а потом нагнулся, чтобы взять пустую.

– Очень скоро ты начнешь жалеть, что поступил так по-глупому и настоял на том, чтобы ехать со мной в Англию, – сказал ему Саймон.

– Этого никогда не произойдет, хозяин. Моя мать и сестры живы только благодаря вам. Я сам живу только благодаря вам.

– Но Джая мертва.

– Потому что пришло ее время расстаться с жизнью, хозяин. Вы сделали все, что могли. И я благодарен вам. Одной жизни не хватит, чтобы отплатить вам за то, что вы сделали.

Санджай зажег еще несколько свечей и расставил их по разным углам комнаты. В кабинете стало светло, почти как днем. Но пламя огня не могло прогнать уныние, царившее в доме.

– Думаю, я должен буду найти вас в следующей жизни, – сказал Санджай, поправляя фитиль одной свечи, которая начала мигать и гаснуть. – Чтобы закончить начатое дело. Может, я вернусь к вам в теле осла, чтобы носить ваш груз и везти вас туда, куда вы захотите.

Саймон слегка улыбнулся, тронутый такой верностью индуса.

– Почему-то мне кажется, что из тебя выйдет плохой осел. – Он наполнил бокал бренди из новой бутылки и сделал глубокий глоток. Его голова сама откинулась на подушку, и Саймон закрыл глаза. – Хотя, может, твои боги правда обратят тебя в какое-нибудь животное. Боюсь, службу такому слабому хозяину они не сочтут полезным делом. Да ты и сам это понимаешь.

– Вы слабеете, только когда на ваше тело нападают злые духи. Рано или поздно вы справитесь с ними. – Санджай открыл тяжелые портьеры и впустил в кабинет свет от полной луны. – Лихорадка давно уже не приходила мучить вас, хозяин. Может, она нашла для этого более подходящую душу.

Санджай подбросил дров в камин, и Саймон уставился на танцующие языки пламени, подняв бокал к губам. Он сомневался, что ему когда-либо удастся справиться со «злыми духами».

Крепкий бренди, который он пил на протяжении последних двух часов, не давал нужного эффекта. Все его чувства омертвели, но блаженное опьянение так к

нему и не пришло. Он ничего не забыл.

Сегодня Саймону удалось наконец съездить в Рейвнскрофт. Почти весь день лил дождь. Дорога туда проходила через ворота с изящными чугунными украшениями, которые больше не сверкали черной краской, – погода и отсутствие ухода сделали свое дело.

Он ехал по длинной аллее, которая вела в родовое поместье, со смешанным чувством страха и нетерпения. Его сердце болезненно сжалось, когда из-за деревьев появилась лужайка перед домом. Он в смятении увидел, что та заросла сорняками, а кругом валялись упавшие ветки.

Дом его детства выглядел пустым и брошенным. Глубоко вдохнув, Саймон поднялся по знакомым семи ступеням крыльца и открыл тяжелую дубовую дверь здания, которое принадлежало его семье почти триста лет. Чтобы обойти весь дом, ему понадобился почти час. И с каждой минутой блуждания по голым пыльным комнатам Саймону становилось все тяжелее смотреть вокруг.

Из поместья исчезли все вещи, которые собирали многие поколения Норткотов. Но он все упрямо шагал из одного зала в другой, и его шаги эхом отражались от дубового пола. Еще несколько лет назад красивые турецкие ковры смягчили бы этот звук. Их многоцветные узоры и мягкий ворс превращали огромное архитектурное чудо в теплое и уютное место для жизни.

Полотна Гейнсборо, прежде висевшие в гостиной над камином и возле письменного стола, исчезли, как и два пейзажа Рейнольдса, а также картина современного художника Джона Милле. Мебель тоже всю вывезли, за исключением некоторых, не имеющих никакой ценности, предметов.

Мраморные статуи и греческие вазы, которые раньше стояли во всех парадных комнатах, тоже исчезли, а вместе с ними – резные столы на тонких ножках, служившие им основанием.

Столовое серебро, фарфор, стекло – ничего этого не было. Драгоценности испарились. Оставшиеся шкафы и буфеты на кухне – пустые. Все полы и стены – голые.

Последним местом, куда заставил себя зайти Саймон, была любимая комната его матери. Там хранилась ее бесценная коллекция китайских ваз, состоявшая из восемнадцати предметов.

Их тоже не было.

Саймон опять глотнул из бокала и встал с кресла, стараясь избавиться от мучительных воспоминаний. Он уперся руками в каминную полку и положил голову на вытянутые руки.

Саймон завороженно смотрел на танцующие языки пламени, но в его затуманенном бренди мозгу стоял образ Рейвнскрофта – каким он увидел его в тот момент, когда обернулся посмотреть на поместье в последний раз.

– Я должен был поехать туда с вами, хозяин, – донесся из темного угла голос Санджая. – Не стоило бросать вас одного.

Саймону потребовалось немало времени, чтобы привыкнуть к молчаливому присутствию слуги. Санджай был рядом, даже когда он не слышал и не видел его.

– Я смог пройти через пустые комнаты и стойла, – сказал ему Саймон. – Но я не смог заставить себя дойти до места, где похоронен мой отец. Он лежит недалеко от Рейвнскрофта, в тихом месте, неподалеку от матери, но я так и не дошел туда.

Саймон поднял голову и уставился на бокал, который поставил на каминную полку. Боль в сердце становилась все сильнее. Его терзали чувства одиночества и опустошенности, и он никак не мог их подавить.

– Не переживайте вы так, хозяин. Придет время, и ваше желание примириться с отцом станет сильнее вашей обиды, съедающей вас изнутри.

Саймон горько улыбнулся другу и сказал:

– Боюсь, на это не хватит всей жизни.

Санджай постоял немного в тишине, а потом пошел к двери.

– Вам что-нибудь нужно, хозяин? – спросил он.

– Нет, иди спать. Я побуду один.

Санджай уже вышел в коридор, как вдруг раздался стук в парадную дверь. Сначала он был тихим и нерешительным, но потом стал громче.

– Кто бы это ни был, не пускай его, – сказал Саймон вернувшемуся слуге. – Я никого не хочу видеть.

– Хорошо. – Санджай закрыл дверь в кабинет и оставил своего хозяина наедине с его злостью и обидой.

Боже правый, если бы отец сейчас оказался в этой комнате, Саймон с трудом бы сдержался, чтобы не совершить то преступление, в котором его обвинял весь Лондон. Ему бы потребовалась вся выдержка, чтобы не убить его за то, что он промотал состояние Норткотов. За то, что из-за него он потерял любимый дом.

У Саймона стало мутнеть в глазах. Он потер их руками, а потом, не в силах больше бороться со злобой, швырнул бокал прямо в огонь. Тот разбился на сотни вспыхнувших в бликах пламени осколков.

Черт, как ему претило признавать себя побежденным! Как ненавидел он толпу кредиторов, готовых с жадностью вцепиться в то, что осталось от богатства Норткотов, – в родовое поместье Рейвнскрофт. И все это случилось из-за глупости его отца!

Все из-за нее!

Саймон с такой силой сжал ладони в кулаки, что у него побелели костяшки пальцев, а потом медленно выпустил воздух из легких, стараясь уменьшить боль в груди. Хорошо, что этой женщины сейчас тоже нет рядом, иначе он не стал бы сдерживаться, а схватил бы ее за шею и стал бы давить до тех пор, пока…

– Хозяин.

Тихий голос Санджая прервал кошмарное видение, но злость никуда не делась. Она клокотала внутри, готовая вот-вот вырваться наружу.

– Что такое?

– К вам с визитом юная леди. Она говорит, что это очень важно.

– Не пускай ее. Я не хочу никого видеть.

– Но мне кажется…

– Это не важно. Разве юная леди не понимает, который сейчас час? Слишком поздно для светского визита, а больше я от нее ничего интересного не жду.

– Дама очень настаивает. Думаю, будет не слишком мудро отослать ее, не выслушав.

Саймон повернулся к верному слуге спиной и ударил кулаком о стену.

– Я сказал…

– Прошу вас, лорд Норткот. Я хочу поговорить с вами насчет одного очень важного дела, – вдруг услышал он мягкий женский голос.

Саймон повернулся в сторону двери и закричал изо всех сил:

– Подите вон!

Он ожидал, что девушка сейчас подпрыгнет от страха, ведь его громкий голос пугал даже взрослых мужчин. Но незнакомка даже не вздрогнула. Вместо этого в ее глазах зажегся огонь, значение которого он не смог разгадать. Что это было – решимость или отчаяние? Саймон не знал.

Непрошеная гостья направилась к нему. Ее шаги были ровными, твердыми, как будто она совсем его не боялась. А потом девушка посмотрела на него с уверенностью, еще больше разозлившей Саймона.

Это чувство только усилилось, когда Санджай вышел из кабинета и закрыл за собой дверь, оставляя хозяина наедине с незнакомкой.

Саймон взял бокал с полки и направился к столу.

– Кто вы такая? – спросил он, наливая бренди. Но леди молчала.

Тогда он повернулся и глянул на нее. Теперь во взгляде незнакомки читалось смятение. Ее глаза в пламени свечей казались темными и загадочными. Удивительно, но они будто сияли сами по себе. И потому, несмотря на тени, Саймон разглядел их цвет – глубокий карий, как расплавленный шоколад. Кожа гостьи была чистой и белой, губы – полными и мягкими. Соблазнительными. Созданными для поцелуев.

Он видел ее раньше. Но где?

Саймон вгляделся еще пристальнее и вспомнил. Ну конечно! Она была на балу у Стратморов.

Он отвел взгляд в сторону, не желая дальше рассматривать незнакомую девушку. Но почему-то глаза не послушались его и опять вернулись к незваной гостье.

Она не была юна. Ей, наверное, исполнилось двадцать три или двадцать четыре года. Рост у нее был средний, фигура и лицо – очень приятные. Хотя девушка зачем-то пыталась скрыть свою женственность, убрав темные волосы в самый ужасный узел, который он когда-либо видел, и надев простое темное платье.

Леди стояла, расправив плечи и гордо подняв голову. Царственная осанка незнакомки противоречила смятению, которое Саймон видел в ее взгляде.

Вполне естественно, что его первой реакцией был мужской интерес. Но Саймон тут же подавил это чувство. Теперь он лишь хотел, чтобы незваная гостья поскорее ушла.

– Я спросил, кто вы такая, – еще громче повторил он.

– Мисс Джессика Стантон, милорд.

Имя ничего ему не говорило. И хотя в голове шумело от выпитого, Саймон попытался вспомнить, знаком ли он с ней или ее семьей. И обнаружил, что начал туго соображать, – мозг не дал ему никакого ответа. Похоже, он наконец-то опьянел.

– Что вам нужно? Вам не следует быть тут, тем более одной и так поздно.

Она глубоко вдохнула – так, что Саймон заметил, как высоко поднялась ее грудь, – и сказала:

– Я пришла, чтобы сделать вам предложение.

Саймон удивленно поднял брови и уставился на ее отутюженное платье с узким шелковым воротничком. Наряд сложно было назвать модным, скорее простым, практичным и незаметным.

– Предложение? – переспросил Саймон, поднося бокал ко рту. Он почувствовал, как уголки губ против воли поднялись в улыбке. Эта девушка выглядела скорее как дочь священника, чем как роковая красавица, которая пришла соблазнить его.

Саймон глотнул бренди, потом медленно опустил бокал и сказал:

– Как интересно. Мне ни разу не делала предложение женщина. Обычно такими делами занимаются мужчины.

Он увидел, как ее щеки самым милым образом покрылись румянцем, а взгляд вспыхнул негодованием. Однако мисс Стантон тут же взяла себя в руки и решительно глянула на него.

– Уверяю вас, вы ошибаетесь, – заявила она. – Мое предложение носит чисто деловой характер. И ничего более.

Саймон с издевкой ухмыльнулся, чувствуя, как алкоголь все больше горячит кровь.

– Да, я ошибся, – подтвердил он и поднял бокал, салютуя ей.

Черт побери, леди оказалась не так проста, как ему показалось сначала. Она еще выше вздернула подбородок, как будто это могло дать ей так необходимую в этот момент уверенность. Теперь Саймон ясно видел, что под ужасной прической и старомодным платьем пряталась настоящая красавица, которая лишь ждала, чтобы кто-нибудь вытащил ее из этого кокона и открыл миру.

– Ходят слухи, милорд, что вы очень нуждаетесь в деньгах. Я пришла предложить вам решение ваших финансовых проблем.

Саймону показалось, будто на него рухнули стены дома. Эти слова ударили по самому больному месту – по его гордости. Проклятие, значит, ее послал Джеймс! Он никогда не простит ему то, что друг всеми правдами и неправдами пытается всучить ему деньги.

– За определенную услугу, – продолжила меж тем гостья, – вы получите ту сумму, которая вам нужна.

– Услугу?

Девушка нервно переступила с ноги на ногу и облизнула губы.

– Может, вы сядете, пока я объясню вам подробности? – спросила она.

– Я и так прекрасно себя чувствую, – ответил Саймон, опираясь руками о спинку кожаного кресла. Его несговорчивость опять смутила гостью. И тогда он в лоб спросил ее: – Кто вас послал?

Этот вопрос застал мисс Стантон врасплох. Она, похоже, не ожидала, что ему так быстро удастся разгадать ее с Джеймсом план.

– Ну же, говорите, – потребовал Саймон. – Сколько вам заплатил Джеймс за это ночное представление?

– Джеймс? – Она удивленно уставилась на него невинным взглядом, широко раскрыв глаза. – Меня никто не посылал. Я пришла сама.

Ему следовало догадаться, что Джеймс еще раз попробует дать ему денег. После того как Саймон вчера отказался от подачки, его друг, без сомнения, всю ночь думал о том, как сделать так, чтобы несчастный граф Норткот в итоге ее принял. И Джеймс нашел на все согласную помощницу, которая по его замыслу сейчас попросит о какой-нибудь небольшой услуге, за которую полагается щедрое вознаграждение.

Может, Джеймс подумал, что он, скорее, возьмет деньги, если решит, что они достались ему не просто так, в качестве милостыни. Саймон посмотрел в лицо гостье. Оно было таким открытым, таким честным! Джеймс сделал очень мудрый выбор. Девушка, которую он нашел, сразу располагала к себе. Сейчас, с румянцем стыда на лице, она выглядела очень привлекательной.

Саймон встряхнул головой, стараясь избавиться от алкогольного тумана.

– И какую услугу я должен оказать вам? – спросил он мисс Стантон.

Девушка ответила не сразу. Похоже, она собиралась с духом, как будто ей предстояло сейчас прыгнуть в глубокий колодец. Наконец гостья открыла рот… но слова замерли на ее губах.

– Услугу, – повторил Саймон. – Какую услугу вы от меня просите?

– Чтобы вы женились на мне.

Она сказала это так тихо, что Саймону пришлось напрячься, чтобы разобрать слова. И когда он понял, что сказала ему девушка, то уставился на нее в таком шоке, словно у нее вдруг выросла еще одна голова. Черт побери! Что это еще за шутка?

– Убирайтесь! – взревел он. – Вам что, так нужен муж, что вы ищете его таким извращенным способом? Вон из моего дома!

Ему показалось, что на секунду девушка запаниковала. Но это выражение быстро исчезло, и на смену страху пришла уже знакомая Саймону решимость идти до конца.

– Я не могу, – проговорила она. – Сначала вы должны выслушать все, что я хочу сказать. Пожалуйста, милорд. Дайте мне договорить. Я прошу только этого.

Саймон смерил ее долгим тяжелым взглядом. Да, мисс Стантон было непросто сломить. Он читал это в ее взгляде.

– Вы можете скоро потерять свое родовое поместье, – сказала гостья. – У меня есть сумма, достаточная для того, чтобы заплатить всем кредиторам.

Саймон сжал ладони в кулаки, мысленно ругаясь на чем свет стоит. Досталось всем: и этой девушке за то, что ей вздумалось так жестоко шутить над ним, и Джеймсу за то, что друг так искушал его деньгами, и отцу за то, что он поставил его в такое унизительное положение. Сколько еще ему суждено вынести?

Мисс Стантон шагнула к нему. Она заговорила, и в ее голосе он уловил едва различимое отчаяние:

– Вам больше не надо будет волноваться из-за денег. Все ваши проблемы разрешатся.

Саймон посмотрел на нее своим самым уничижительным взглядом, желая, чтобы она отступила. Но мисс Стантон осталась стоять на месте.

– Правда? – спросил он, со стуком ставя бокал на край стола. – И я могу забрать себе все деньги? – Саймон подошел к камину и уставился на яркое пламя. – Не скажете, почему мне с трудом верится в это?

– Что вы сказали?

Он повернулся и повторил:

– Я спросил, с какой стати мне вам верить?

– Потому что это правда.

То, как она смотрела на него, все сильнее нервировало Саймона. Ее взгляд был оценивающим. Слишком пристальным. Казалось, гостья внимательно взвешивала каждое его слово.

Саймон вдруг начал сомневаться, что все это происходит с ним в реальности. Он сел в кресло и положил ногу на ногу. Одно ему было ясно точно – мисс Стантон зря пришла сюда, и никакая уверенность ей не поможет. Он лучше сгорит в аду, чем станет принимать милостыню. Даже от Джеймса.

Саймон уперся локтями в подлокотники кресла и сложил пальцы вместе.

– Сядьте, – сказал он, указывая на старенький стул в углу кабинета.

Девушка подошла к нему и переставила его так близко к Саймону, что, когда села, их колени почти соприкоснулись.

Мисс Стантон выглядела вполне уверенно, однако Саймон был готов поклясться, что ее руки дрожали, когда она сложила их перед собой.

– Вы хотите сидеть так близко ко мне? – спросил Саймон, намеренно улыбаясь ей самой дерзкой, вызывающей улыбкой.

– Я… я хочу сидеть там, где могу лучше всего видеть вас, – слегка дрожащим голосом сказала она.

– Очень хорошо, мисс Стантон. Что еще вы намерены предложить мне?

Она недоуменно посмотрела на него.

– Еще? Боюсь, я не понимаю вас. Вам нужно что-то еще?

Саймон встал и нагнулся к ней. Он коснулся пальцами нежной кожи ее лица, потом ниже, по шее…

– Может, ваше общество на ночь? Это входит в сделку?

Прежде чем Саймон сообразил, что произошло, она молниеносным движением подняла руку и изо всей силы ударила его по щеке. От неожиданности Саймон отпрянул и увидел, как глаза мисс Стантон в страхе округлились. Поняв, что сделала, девушка закрыла рот ладонью, заглушая тихий крик.

– Значит, ответ «нет», – сказал Саймон, пожимая плечами. – А жаль.

Гостья зажмурилась, словно стараясь спрятаться от его пристального взгляда. В свете свечей ему было видно, что ее щеки стали пунцово-красными.

– Простите, – прошептала она.

Ее испуг был искренним, но голос звучал хрипло, ненатурально. Саймон откинулся в кресле и улыбнулся. Ему не верилось, что девушка действительно пожалела о том, что ударила его. Он подождал и, когда гостья успокоилась и глянула на него, спросил:

– Сколько же денег вы хотите предложить мне, мисс Стантон? Готов побиться об заклад, их как раз хватит на то, чтобы погасить все долги, заплатить кредиторам… и, наверное, останется еще немного, чтобы я встал на ноги. Это так?

– Я не знаю, милорд, – ответила она. Судя по непокорному блеску в ее глазах, к ней понемногу возвращалась уверенность. – Мне неизвестно, сколько вы задолжали. Я только знаю, какую сумму могу вам дать.

Девушка сунула руку в маленькую сумочку, которая лежала у нее на коленях. Саймон услышал, как она тяжело вздохнула, когда вынула оттуда какую-то бумагу.

– Но я уверена, что этого хватит, – добавила гостья, держа белый листок.

– Да, я тоже так думаю. – Саймон пристально смотрел на нее, теребя дыру в кожаной обивке кресла. В какой-то момент ему показалось, что она не отдаст ему бумагу с цифрами. – Могу я посмотреть, во сколько Джеймс оценил мои

долги?

Она еще секунду помедлила, а потом вложила листок ему в руки. Саймон открыл его и глянул на число в самом низу.

Потом посмотрел на него еще раз. Моргнул и опять уставился туда же.

После чего поднял голову и злобно глянул на девушку, которая казалась такой невинной и безобидной, и в приступе ярости сжал бумагу в кулаке и швырнул ее на пол.

– Будьте вы все прокляты! – Саймон вскочил с кресла и опять наклонился к гостье. – Это опять шутка? Я что, похож на дурака?

Ее глаза расширились от страха, и она задрожала еще сильнее.

Гостья встала со стула, наклонилась и взяла бумагу, а потом прижала ее к груди.

Во всяком случае, ей хватило здравого смысла держаться от него подальше. Ему хотелось задушить ее.

– Я хочу знать, кто все это придумал и зачем!

Взгляд Саймона беспощадно замечал каждую деталь, говорящую о ее бедности, – простое платье, отсутствие украшений, старомодную обувь. Неужели она ожидала, что при таком внешнем виде кто-то может поверить, будто у нее есть такие огромные деньги?

– Посмотрите на себя. Судя по вашему платью, вы сами едва сводите концы с концами. – Он на мгновение смолк, глядя на смятение, написанное на ее лице. – Ну, что вы сможете мне сказать?

– Простите, я не…

– Я хочу, чтобы вы немедленно ушли, – прервал ее Саймон, чувствуя, что его терпению сейчас придет конец. – И сказали тому, кто вас послал, что его план не

сработал. Вы на самом деле думали, что я поверю в вашу ложь?

Он увидел, как в ее глазах появилось отчаяние.

– Отвечайте мне, черт побери!

– Я говорю вам, это правда. Деньги принадлежат мне, и я отдам их вам, только если вы…

– Сделаю что?

– Если только вы… – Она посмотрела ему в глаза пристальным немигающим взглядом и проглотила комок в горле. – Женитесь на мне, – проговорила девушка так тихо, что он с трудом услышал ее.

Саймон отступил, словно близость этой безумной просительницы оскорбляла его, и глянул на нее с жалостливым недоумением. Но в глазах девушки застыло такое отчаяние, что он не выдержал и отвернулся. Кто посмел так жестоко подшутить над ним? Видимо, это был не Джеймс. Тогда, наверное, Розалинд? При мысли, что за всем этим стояла именно она, у него спазмом сжало живот, и Саймон сглотнул желчь ненависти, которая грозилась отравить его.

Граф отвернулся от девушки и бросил:

– Убирайтесь!

Он не стал смотреть, послушалась ли мисс Стантон его приказа. Встав рядом с камином, Саймон опять уставился на огонь. Дрова потрескивали, и этот приятный успокаивающий звук резко контрастировал с яростью и смятением, которые пылали в его сердце.

– Вы не понимаете меня, милорд. Пожалуйста, повернитесь, чтобы я могла объяснить вам.

Саймон крепко обхватил пальцами каминную полку и сжал зубы. У него не было сил смотреть на нее.

– Вы правда думали, что ваш план сработает? – проговорил он.

– Прошу вас, сэр. Вы должны повернуться ко мне.

– А Джеймс знал, что вы предложите женитьбу в обмен на деньги? Или у вас хватило наглости скрыть это?

– Я не понимаю, о чем вы говорите.

– Вы хоть представляете, как жестоко вы подшутили надо мной?

– Посмотрите на меня.

– Или у вас совсем нет совести?

– Прошу вас, посмотрите на меня!

– Отвечайте же! – взревел Саймон.

– Вы должны посмотреть на меня!

– Черт побери! Говорите!

Саймон повернулся к ней лицом. Два длинных шага – и он уже стоял рядом с ней. Саймон вытянул руки и схватил ее за плечи.

– Будь все проклято! – заорал он, крепко держа ее на расстоянии своих рук. – Почему вы не отвечаете? Что с вами? Вы что, глухая?

Лицо девушки побледнело и исказилось от боли. Саймон пристально смотрел на нее одну минуту, потом бессильно опустил руки.

– Черт побери, – изумленно проговорил он. – Действительно глухая.

Глава 4

Джессика сглотнула ком в горле и на взгляд Норткота, полный страха и удивления, ответила решительно поднятым подбородком и выпрямленными плечами. Она видела подобный взгляд раньше и теперь готовилась сражаться с отвращением и предубежденностью, которые должны были появиться после него. Эту битву ей следовало выиграть. Ее положение было слишком отчаянным, чтобы позволить графу взять над собой верх.

– Если вы правда ничего не слышите, как вы понимаете, что я говорю? – спросил он.

– Я умею читать по губам. Пока вы стоите ко мне лицом, я знаю, что вы говорите.

Джессика внимательно посмотрела на графа. В его глазах полыхала такая ярость, такая сила…

Она смотрела, ожидая, что в них появится отвращение, но ничего подобного не происходило. В его взгляде читалась только злоба. И недоверие, которое граничило с ненавистью.

Боже правый, как ей было страшно! Граф Норткот правда оказался очень решительным и бесцеремонным мужчиной. И потому он идеально подходил на роль защитника от Колина.

Он пугал ее, но все-таки взгляд, полный брезгливости и жалости, испугал бы Джессику гораздо больше. Именно так на нее посмотрел бы любой другой человек из высшего общества, если бы оказался сейчас на месте Норткота.

Граф начал ходить взад-вперед перед камином, словно ему нужно было двигаться, чтобы справиться с замешательством. Или чтобы взять под контроль свою злобу.

– Сядьте, – наконец сказал он, указывая на стул. Слова сопровождались тяжелым взглядом, который ясно давал понять – ослушаться приказа нельзя.

Джессика села и стала ждать, пока Норткот искал другой бокал взамен того, осколки которого она заметила в камине. Когда его поиски ничем не увенчались, хозяин дома отхлебнул бренди прямо из бутылки и вытер губы тыльной стороной ладони. Яркий свет камина позади него подчеркивал его мужественную фигуру, длинные, мускулистые ноги и широкие плечи. Боже правый, сейчас он выглядел еще более внушительно, чем когда-либо.

– Кто вы? – спросил граф, буравя ее взглядом, который не предвещал ничего хорошего.

– Меня зовут…

Но он поднял руку, прерывая ее.

– Я знаю ваше имя! Я хочу знать, кто вы такая!

Джессике очень захотелось сказать ему, что нет никакого толку кричать на того, кто ничего не слышит. Но вместо этого она сконцентрировалась на движениях его губ. Он говорил так быстро, что ей требовалось все ее умение, чтобы понимать его.

На шее у графа вздулась вена, подбородок дрожал от ярости. Он раздраженно взъерошил волосы, ожидая ее ответа.

Она перевела дыхание и сказала:

– Моего отца звали сэр Генри Стантон. Его…

– Черт побери.

Джессика тут же остановилась. Потемневший взгляд графа и выражение предельной злобы на его лице так напугали ее, что у нее перехватило дыхание.

– Как, вы говорите, звали вашего отца?

– Сэр Генри Стантон. Основатель «Стантон шиппинг» и «Стантон майнинг». – Джессика увидела, как злость на лице графа сменилась изумлением. Похоже, ее

слова поразили его, но она не понимала почему. – Обе компании оказались очень успешными. Может, вы слышали о них?

– Да, – ответил Норткот, но в его взгляде все еще светилось недоумение. – Значит, вы доводитесь барону Танхиллу… – Он остановился, словно не в силах закончить предложение, и невидящим взглядом уставился в стену.

– Сводной сестрой, – закончила она, ожидая, когда мысли в его голове станут на место. Это случилось очень скоро.

– Такого не может быть! – воскликнул граф. – У Генри Стантона не было дочери. Я, конечно, много выпил, но не настолько, чтобы забыть об этом.

Джессика сжала руки в кулаки и ответила:

– Была.

Норткот опять посмотрел на нее, прищурив глаза. Его взгляд был черным, как ночь, и опасным, как остро заточенная рапира.

– Если Генри Стантон действительно ваш отец, – сказал граф тоном, ясно дающим понять, что он ни секунды не верит в это, – то я встречал его однажды в молодости. Но он ни словом не обмолвился о том, что у него есть дочь.

– Ничего удивительного, – ответила Джессика. – Из-за… моей глухоты он старался не говорить обо мне с малознакомыми людьми. Отец хотел защитить меня, спрятать от света.

Она должна была смотреть на него, но это давалось ей с большим трудом – в глазах Норткота было столько недоверия! Это больно ранило ее, но отступать было нельзя.

Граф опять поднял бутылку ко рту, отхлебнул и стал ходить по комнате. Его губы двигались, руки по бокам были сжаты в кулаки. Он говорил, но Джессика ничего не могла прочитать.

– Простите, – прервала его она, – чтобы я понимала, что вы говорите, вам нужно смотреть на меня.

Норткот остановился и уставился на нее, потом вернулся к своему креслу и сел в него. Джессика решила рискнуть и тоже опустилась на стул, который стоял перед ним.

Граф долго смотрел в пол. Потом поднял голову и спросил устало:

– Зачем вы здесь? – Судя по его тяжелому взгляду, хозяин дома все сильнее пьянел. Но злость никуда не исчезла – она читалась в его глазах, делая их совсем черными. Джессике казалось, будто ночью она смотрит в бездонный колодец.

– Согласно завещанию отца мне скоро по наследству перейдет огромная сумма денег, – сказала Джессика. – Последние десять лет я была убеждена, что мой сводный брат, барон Танхилл, погиб. Но сегодня один мой хороший друг сообщил, что он жив.

Губы Норткота изогнулись в циничной улыбке.

– Да, он жив и здоров.

– Вы знаете его?

– Да. – Он опять отпил из бутылки. – Но это играет против вас.

– Не сомневаюсь, – тихо проговорила Джессика. – Вы далеко не единственный, кто думает о нем плохо. Его многие ненавидят и боятся. Вероятно, это поможет вам понять, почему мне так важно выйти замуж раньше, чем он вернется в Англию. Мне нужно укрыться от него. – Она остановилась и добавила: – Я возьму у вас только ваше имя, милорд. И больше ничего.

– Но если вы выйдете за меня замуж, то ваши деньги достанутся мне, разве не так?

– Богатство меня не интересует.

– Что? – После этих слов граф вдруг откинул голову и рассмеялся. Этот злобный смех немало напугал Джессику. – Вы ведь не думаете, что я поверю этому? – наконец произнес он. – Уверяю вас, я не такой дурак, каким вы меня считаете. На свете нет такой женщины, которую не волновали бы деньги. Как вы, должно быть, слышали, я эксперт по части слабого пола.

– Нет, я ничего такого о вас не слышала. И не знаю, почему вы решили, что все женщины жадные. По закону мое наследство перейдет к вам, так какие еще доказательства вам нужны? Деньги меня действительно не волнуют. Единственное, что мне нужно, – это найти мужа до того, как барон Танхилл вернется на родину.

Норткот окинул ее долгим пристальным взглядом.

– Но почему вы выбрали меня? – в итоге спросил он.

– Я видела, как вы появились на балу у Стратморов. Это был отчаянный поступок, но вы вели себя очень храбро и хладнокровно. Все в зале боялись вас.

Норткот потер пальцами виски. Он выглядел таким уставшим, словно кто-то уже давно положил ему на плечи все тяготы мира, да так и не вернулся, чтобы снять ношу или, по крайней мере, помочь ее нести.

– Я хочу, чтобы вы ушли, – проговорил он. – Вы же видите, что я пьян и не верю ни единому вашему…

– Нет, я не уйду. Не уйду до тех пор, пока вы не поверите мне и не согласитесь подумать над моим предложением.

Джессика не могла отступить, не испробовав все возможные пути. Каким-то образом ей надо было убедить его, что спасение родового замка стоит того, чтобы жениться на ней.

– Мой отец оставил огромное состояние. Оно может стать вашим. Вы не потеряете Рейвнскрофт. Вы не…

– Черт побери! Прекратите лгать! Пусть лучше Рейвнскрофт рассыплется и камень за камнем упадет к моим ногам, чем я возьму вас в жены!

Джессика закрыла глаза и сжала в кулаки лежавшие на коленях руки. Ей следовало знать заранее, что он откажется от нее. В конце концов, какой мужчина захочет иметь глухую жену?

– И я не верю, что вы сводная сестра Танхилла, – продолжил он. – У вас явно нет ни одного фунта за душой, кроме тех, которые вам дали, чтобы вы предложили мне.

Джессика возразила, качая головой:

– Эти деньги – мои. Я предлагаю их вам в обмен на замужество.

Граф вскочил с кресла и отвернулся от нее, как будто едва сдерживался, чтобы не сделать что-то ужасное. Когда он повернулся, его лицо пылало от злости. Норткот действительно считал, что ее послал какой-то человек, который хотел заманить его в ловушку.

Он нагнулся к ней и одной рукой схватил ее за плечо, заставляя вжаться в высокую спинку стула. Его лицо было так близко, что Джессика видела черные зрачки его глаз. От него исходил запах мужчины, большую часть времени проводившего на свежем воздухе, приправленный сильной порцией алкоголя. Ее кожа под рукой Норткота горела. Джессика никогда не испытывала ничего подобного. Казалось, она теряет землю под ногами.

– Кто послал вас? – спросил граф.

– Никто, лорд Норткот. Я пришла сама.

Он улыбнулся. В этом движении губ не было доброты или радости, а только открытое объявление войны. И когда Норткот оторвал вторую руку от спинки стула и тронул ее за шею, Джессике стало по-настоящему страшно. От его прикосновения по телу разлилась странная горячая волна.

– Тогда скажите мне, – проговорил граф, – неужели вы думали, что, только глянув в ваши огромные печальные глаза, я проглочу гордость и протяну руку за деньгами? Вы, похоже, хотели очаровать меня своей притворной скромностью, чтобы я забыл обо всем на свете, упал на колени и безоговорочно поверил в вашу ложь?

– Нет. – Джессика надеялась, что произнесла это вслух. – Я не лгала вам.

Его большой палец перестал лениво чертить круги у основания шеи Джессики. Норткот высоко поднял брови. Ровные белые зубы ярко выделялись на фоне бронзово-смуглой кожи его красивого лица, и у Джессики вдруг сладко заныло сердце от какого-то непонятного чувства.

– Вы думаете, я поверю, что до сегодняшнего дня вы и не подозревали об огромном наследстве? Не знали, что ваш сводный брат жив? – Он взял ее за подбородок. – Думаю, это не так.

– Я говорю правду. – От его прикосновения Джессика начала дрожать. И ее голос – тоже. – Если вы не верите мне, спросите герцога Холлингсворта. Я знаю, что вы с ним в хороших отношениях. Он все подтвердит.

Норткот тут же убрал руку, как будто ее слова обожгли его. Он отшатнулся, словно ему было противно находиться рядом с ней.

В кабинете воцарилась звенящая тишина. А потом Норткот зашел за свое кресло, облокотился о него и, глянув на нее, спросил:

– Какое отношение это имеет к герцогу?

– Никакого. Но он может подтвердить, что я говорю правду.

Джессика смотрела в лицо графу, пытаясь понять, о чем он думает. Но на нем застыла холодная непроницаемая маска, сквозь которую было невозможно прорваться.

– Он подтвердит вашу ложь, потому что сам и послал вас с деньгами. А идею с замужеством придумали вы, да?

Джессика лишь покачала головой. У нее больше не было сил защищаться.

Норткот наклонился вперед и облокотился о спинку кресла, которая разделяла их.

– Вы правда думали, что я женюсь на вас? Правда считали, что мое положение настолько ужасно?

Джессика вздрогнула, как будто ее ударили по лицу. Ей не следовало приходить сюда. И о чем она только думала, собираясь доверить свою жизнь совершенно незнакомому мужчине? Нужно было сразу понять, что граф не захочет себе такую жену, как она.

Норткот продолжал ее допрашивать:

– Вы думали, я поверю, что вы решили по своей воле отказаться от богатства?

– Я не предполагала, что вы усомнитесь в моей честности. Мне казалось, вы примете мое предложение, поскольку так же сильно нуждаетесь в деньгах, как я в вашем имени.

Прищурив глаза, граф спросил:

– Вам так важно стать графиней?

Это обвинение стало для Джессики еще одной пощечиной. Норткот не поверил ни единому ее слову. И не хотел помочь ей. Удивительно, что это стало для нее неожиданностью. Графы не берут в жены девушек с таким пороком, как у нее, даже если у тех есть огромное состояние.

Он отказал ей, отнял единственную надежду на защиту от сводного брата. Джессика взяла сумочку и встала со стула.

– Куда это вы собрались?

– Домой.

– Нет! – Приказ графа прозвучал как угроза: – Подойдите сюда.

Джессика не двигалась.

– Я сказал – подойдите сюда.

Тогда она неуверенно шагнула к нему. Шагнула, расправляя плечи – Джессика не хотела, чтобы Норткот увидел ее сломленной, испуганной.

– Почему вы пришли ко мне этим вечером? – спросил граф, когда она оказалась на расстоянии вытянутой руки от него. – Неужели вам не было хоть немного страшно? – Он вдруг крепко схватил ее за плечи и дернул к себе. – Ведь все считают, что я убил своего отца из-за того, что он пустил по ветру состояние.

О чем она только думала, когда решила приехать одна к такому человеку? Граф Норткот оказался опаснее, чем ей представлялось. Он выглядел как злой, загнанный в угол зверь, и тяжелый взгляд его глаз говорил, что в таком состоянии с ним шутки плохи. В подпитии Норткот выглядел совсем уж пугающе.

Джессика попыталась отвернуться от него, но вдруг обнаружила, что ей это не под силу. Ее глаза устремились туда, где белел расстегнутый ворот его рубашки, обнажая загорелую кожу и черные волоски на ней. Норткот притянул ее еще ближе к себе, и тогда Джессика уперлась ему в грудь руками. Под тонкой материей ее ладони почувствовали мышцы, твердые и упругие.

Джессика закрыла глаза, чтобы не видеть его вызывающе мужскую красоту. Какой наивной она была, думая, что сможет убедить человека, способного запугать весь высший свет Лондона, жениться на ней! Какой была глупой, когда считала, что с ней не случится ничего страшного, если она отправится к нему одна! Только ей могла прийти в голову мысль, что граф Норткот поверит глухой незнакомой девушке и возьмет ее в жены!

Джессика открыла глаза и увидела направленный на нее взгляд, в котором под привычными уже злобой и неверием полыхал какой-то непонятный ей огонь. Ее сердце забилось так быстро, что ей стало страшно, как бы оно не выскочило из груди. Никогда раньше она не стояла так близко от мужчины. Никогда не ощущала на своем теле мужские руки.

– Мне кажется, вы не понимаете, что в браке я могу потребовать от вас не только деньги.

С этими словами Норткот опять притянул ее так близко к себе, что Джессика уперлась всем телом в его грудь. У нее было такое чувство, будто она столкнулась с кирпичной стеной – твердой и неподвижной.

Одной рукой Норткот обнял ее за талию, не давая ей отодвинуться от него. А другой взял за подбородок и провел пальцем по щеке. От его прикосновения Джессика вспыхнула, как от огня.

– Вы готовы заплатить эту цену за титул графини?

Она попыталась возразить, но слова застряли в горле.

И тогда обе руки Норткота опять крепко обняли ее за плечи. Одним пальцем он принялся лениво чертить маленькие круги на тыльной стороне ее шеи. Потом скользнул им вперед, коснулся ямочки у основания шеи и поднялся выше. Шершавая подушечка пальца начала медленно ласкать ее губы.

Джессика схватила Норткота за руку и попыталась высвободиться из его объятий.

Нужно бежать. Она не могла думать. Не могла дышать. Его нежные, но в то же время требовательные прикосновения смущали ее.

Пальцы Норткота ласкали кожу, вызывая жар, который она никогда раньше не чувствовала. Ему нельзя было трогать ее так бесцеремонно, словно перед ним стояла дама легкого поведения, но все же какая-то часть Джессики хотела и дальше ощущать тепло и силу, исходившие от Норткота.

Она должна была трястись от страха, но ничего подобного не происходило. Ей следовало плакать от стыда, но никакого стыда она тоже не чувствовала.

Его пальцы опять начали гладить чувствительную кожу на затылке, потом решительно опустились вниз по ее плечам, легли на талию, потом скользнули еще ниже, к бедрам.

Джессика вся пылала.

– Пожалуйста, хватит, – прошептала девушка. Ей казалось, что она произнесла эти слова вслух, но не знала наверняка. Джессика теперь ни в чем не была уверена. В ее голове царило полное смятение, мыслей не было никаких.

Он взял ее лицо в ладони и наклонился так близко, что Джессика уже никак не могла отвернуться от его пронзительного взгляда.

– Вы ведь не хотите, чтобы я останавливался, мисс Стантон? В конце концов, вы ведь затем и пришли ко мне ночью, одна, чтобы предложить себя? Разве вы не за этим тут появились?

Джессика с усилием покачала головой, стараясь дышать ровно.

– Нет. Я пришла, чтобы предложить вам деньги. А взамен получить ваше имя.

– Это все, мисс Стантон? Вы больше ничего не хотите?

– Я… я…

– Вы не уверены?

Он наклонился к ней так близко, что его рот почти коснулся ее губ. Джессика больше не видела, говорил ли что-нибудь ей граф или молчал. Ей не хотелось, чтобы он говорил. Ей хотелось…

Граф впился в ее губы с таким отчаянием, что у нее подкосились ноги. Его поцелуй не был нежным и мягким, а наоборот – грубым, повелительным.

Тысячи искр расплавленного жара устремились в каждую клеточку ее тела, а потом волной слились в одну точку внизу живота.

Никогда раньше она не испытывала ничего подобного. Это чувство пугало ее, смущало. Но почему-то Джессика не отталкивала Норткота. Ей было хорошо.

В объятиях графа она ощущала себя в полной безопасности.

Саймон совсем не собирался целовать ее. Он понимал, что это был глупый, ненужный поступок. Но в тот момент, когда их губы соприкоснулись, ему стало ясно, что скорее он сможет остановить дующий ветер или восходящее солнце, чем этот поцелуй. Без сомнения, бренди помутил ему разум гораздо сильнее, чем он думал.

Сначала Саймон хотел только напугать Джессику, чтобы та наконец призналась, что это Джеймс дал ей денег и прислал сюда. А идею с замужеством придумала она сама, чтобы заполучить титул графини.

Но так он думал только сначала.

Их первый поцелуй был грубым и сухим. Саймон прижал Джессику к себе и впился ей в губы так, словно та была какой-то куртизанкой, которую он нашел в таверне. Саймон хотел наконец сломить ее. И больше ничего.

Но когда он оторвался от губ Джессики и посмотрел ей в глаза, то прочитал в них такую мольбу, такое смятение, что все его представление о ней рухнуло. Она дрожала от поцелуя, как будто действительно была невинной. И с этого момента Саймон хотел только одного – поверить в то, что это действительно так.

Никогда раньше, целуя женщину, он не испытывал такого сладостного волнения. Никогда раньше, прижимая к себе женское тело, Саймон не чувствовал такого жара в груди, как сейчас, когда держал в руках эту стройную хрупкую девушку. Желание целовать ее дальше – глубоко, страстно – стало настолько сильным, что больше он не мог сдерживаться. Впервые в жизни Саймон не мог контролировать себя.

Поначалу ее губы были безжизненными, как будто она не знала, что нужно ими делать. Как будто на самом деле не ожидала этого поцелуя. Но Саймон продолжал целовать ее, и скоро они стали мягкими. Казалось, Джессика смирилась с его вторжением, и оно даже понравилось ей.

Сначала его странная гостья уперлась сжатыми в кулаки руками ему в грудь, пытаясь оттолкнуть его. Но потом Саймон скорее почувствовал, чем услышал,

как Джессика сладко вздохнула, а потом расслабила пальцы и коснулась его, сначала робко, затем все более уверенно.

Саймон запустил руки в ее волосы, освобождая их от шпилек. Они упали блестящей темной волной до самой талии. Чтобы ему было легче ее целовать, он чуть запрокинул голову Джессики и с еще большей жадностью впился ей в губы.

Проклятие! Он никак не мог оторваться от них.

Саймон одной рукой обнял ее за талию и крепко прижал к себе. Другой взял Джессику за щеку. Ее кожа была мягкой и гладкой, словно новая бархатная ткань. Саймон без остановки пил сладость ее губ. Смаковал, пробовал вкус Джессики, наслаждаясь ощущением близости ее теплого тела. Но ему хотелось большего.

Он медленно провел большим пальцем по ее щеке, подбородку и остановился как раз под нижней губой. Ему осталось немного нажать там, и Джессика открылась ему навстречу, словно только и ждала момента, чтобы подчиниться ему.

Язык Саймона проник в медовую сладость ее рта, ища спрятанное там сокровище. Джессика сначала замерла, а потом опять сжала руки в кулаки и попыталась отстраниться.

Но Саймон не мог допустить, чтобы их поцелуй прервался. Он обхватил ладонью ее затылок, не давая ей отодвинуть голову. Джессика тихо застонала и ударила кулаками ему в грудь – один раз, другой, а потом остановилась.

Боже, помоги ему! Он нашел сокровище, которое искал. Его язык коснулся языка Джессики. Отстранился. Потом нашел его снова.

Джессика вцепилась пальцами в его плечи, и так сильно, что вместе с материей рубашки захватила кожу. Саймону стало больно. Но источником боли был не маленький кусочек тела под ногтями Джессики, а сердце. И эта боль поглощала его целиком.

Саймон не понимал, что с ним происходит. Последним отчаянным напряжением воли он заставил себя прервать поцелуй. Глянув в глаза Джессике, Саймон увидел, что они затуманились. Ее взгляд стал влажным, чувственным.

– Кто ты? – хрипло прошептал он. – Что ты со мной делаешь? – Саймон тяжело перевел дыхание, а потом вопреки всякому здравому смыслу снова потянулся к ее губам. Они влекли его, словно ручей умирающего от жажды путника.

Он впился в рот Джессики, выпивая ее сладкую влагу, делясь с ней своим жаром. И Джессика не отвергала его, а давала утолить страсть.

С каждой лаской его губ и языка Джессика становилась все щедрее. Схватившись тонкими руками за плечи, она возвращала ему поцелуи с самозабвением, которое он никак не мог объяснить. Джессика открывалась навстречу ему, двигалась в такт с ним и требовала от него больше, чем Саймон мог дать в своем нынешнем состоянии.

От его хваленого самоконтроля почти ничего не осталось. Крепкие стены, которые он построил вокруг своего сердца, чтобы защититься от чувств и привязанностей, начали рушиться на глазах.

Будь все проклято! Это не должно случиться.

В голове Саймона словно зазвенел тревожный звонок, заставляя вспомнить о женщине, которая предала его, обманула, втоптала в грязь его чувства. И сейчас это повторялось – милая девушка, которую он держал в своих объятиях, тоже хотела что-то получить за его счет.

Саймон зарычал от боли в сердце и все-таки сумел оторваться от губ Джессики. Он не мог дышать. Не мог думать. Грудь горела так, словно ее пронзили раскаленным железным прутом, а кончик его так и остался внутри. Саймон, открыв рот, тяжело ловил воздух. Потом он с усилием перевел взгляд на Джессику. И увидел в ее взгляде смятение.

Нет, этого не может быть. Она, конечно, притворялась, что ее тоже поразил их поцелуй.

Саймон попытался оттолкнуть ее от себя, но у Джессики подогнулись колени, и ему пришлось подождать, пока она придет в себя.

Девушка тоже ловила ртом воздух, пытаясь отдышаться. Ее голова была опущена, взгляд бегал из стороны в сторону, словно ей было страшно заглянуть ему в глаза. Она выглядела испуганной, похожей на кролика в лапах хищника. Саймон чувствовал, что ее тело дрожит в его руках.

– Ты все еще хочешь стать моей женой? – спросил он, поднимая лицо Джессики, чтобы ему были видны ее глаза.

Его гостья ничего не ответила. Но взгляд девушки красноречиво говорил, что сейчас он сам пугает ее больше, чем Танхилл.

Саймон разжал объятия, и она пошатнулась, а потом схватилась за спинку кресла и выпрямилась. Одну секунду Джессика стояла без движения, прижав одну руку к животу, а другой закрыв рот. Ее грудь бурно вздымалась, только Саймон не понимал от чего – от страха или от его поцелуев. Да он и не хотел копаться в ее чувствах. Единственное, что ему было известно наверняка, – это что мисс Стантон должна поскорее убраться из его дома.

– А теперь уходи, – сказал вслух Саймон.

Джессика не смотрела на него. И тут Саймон понял, что она его не услышала.

Ему не хотелось опять прикасаться к ней, но другого пути не было. Иначе ему пришлось бы ждать, когда Джессика опять поднимет на него испуганный взгляд, а он не был уверен, что у него хватит сил выдержать его во второй раз.

Саймон взял ее за плечи и повернул к себе. Она едва слышно вскрикнула, и от этого его сердце почему-то сжалось, словно от боли. Саймон не желал признавать, что эта девушка могла влиять на него. Не желал даже думать о том, что их поцелуй имел какое-то особое значение. Ему было страшно сознавать, что в его сердце еще осталось незащищенное от вторжения нежных чувств место.

– Уходи отсюда, и быстрее, – повторил Саймон. – А то я сделаю что-то такое, о чем мы оба потом пожалеем.

Она тяжело, со вздохом, перевела дыхание и сбросила с плеч его руки.

– Я уже сделала то, о чем буду жалеть всю жизнь, – сказала девушка и вытерла губы тыльной стороной ладони.

А потом, вздернув подбородок, направилась вон из комнаты.

Саймон встал возле окна и, скрывшись за портьерой, смотрел, как она спустилась по лестнице сквозь темноту ночи и села в ждущий ее экипаж. Все ее движения были уверенными и полными чувства собственного достоинства. Убедившись, что с ней все в порядке и она теперь в полной безопасности, Саймон отвернулся от окна.

– Я не думал, что юная мисс уйдет отсюда еще более напуганной, чем была вначале, – сказал стоявший у двери Санджай. – Похоже, я ошибся.

– Напуганная? Как бы не так. – Саймон подошел к огню и оперся о каминную полку.

– Наверное, в следующей жизни я приду служить к вам в теле котенка, чтобы научить нежности и доброте. Вам этого очень не хватает.

Саймон ударил кулаком по полке, а потом, взяв себя в руки, сел обратно в кресло.

– Сейчас мне не нужно твое мнение, Санджай. Все, что мне надо, – это…

– То, что вам надо, стоит перед вами, – ответил Санджай, ставя новую бутылку бренди и чистый стакан на столик рядом с креслом. – На вашем месте я бы пил до тех пор, пока не забыл о юной мисс, с которой вы так плохо обошлись сегодня вечером.

Саймон наполнил бокал и сделал большой глоток.

– Прекрати взывать к моей совести, Санджай. Сегодня это бесполезно. Иди спать и оставь меня в покое.

– Хорошо, хозяин. Я пойду спать, но боюсь, один вы не останетесь. Ваших многочисленных демонов я с собой забрать не смогу. Они хотят побыть с вами.

После этих слов Саймон услышал тихий стук закрывшейся двери. Он еще глубже уселся в мягком кресле с высокой спинкой, запрокинул голову, закрыл глаза и попытался изгнать из памяти то, как развевались длинные волнистые волосы Джессики, когда она повернулась и чуть ли не бегом покинула его дом. Но у него это плохо получалось. Отвращение и страх, которые он видел в ее глазах, питали демонов, которые, как и предсказывал Санджай, толпились вокруг него, готовясь напасть.

Конечно, эта девушка лгала. Она не могла быть сводной сестрой барона Танхилла.

Саймон плеснул еще бренди и поднес бокал ко рту. Его рука вдруг остановилась на полпути, пальцы конвульсивно сжали стеклянные стенки. Джессика не могла быть сестрой Танхилла, повторил Саймон себе второй раз, потом третий.

Но что, если он ошибается? От одной мысли об этом его сердце бешено забилось. Если на секунду допустить, что его гостья не лгала, то получается, что она только что предложила голову его злейшего врага на золотой тарелке. Произошло то, о чем можно было только мечтать.

Если на мгновение поверить словам Джессики, то получается, что с ее помощью он отомстит Танхиллу, вырвав огромную кучу денег у него из-под носа. А еще, конечно, расплатится с кредиторами, спасет поместье… А также защитит эту девушку от самого Танхилла, который, судя по ее словам, готов на любое преступление, чтобы отнять у нее наследство.

Да, если она сестра Танхилла, то Саймон спас бы ее. На этот раз у него все бы получилось. Он бы не позволил ему забрать еще одну жизнь. Если бы эта девушка и правда была сводной сестрой Танхилла, он встал бы между ними и даже близко не подпустил бы его к ней. Это было бы его местью за то, что случилось в Индии.

Саймон уставился на пылающие угли в камине. Как бы он хотел, чтобы все, что сказала ему Джессика, оказалось правдой! Но такого не может быть. Ведь его гостья – обычная женщина, ничем не отличающаяся от остальных хитрых,

жадных существ, которых Господь поселил рядом с мужчинами на Земле.

Да, она, конечно, все это придумала. И денег у нее нет, кроме тех, которые ей дал Джеймс. И мысль о замужестве пришла ей в голову, только когда она узнала, какую огромную сумму готов дать ему его друг.

И поцеловал он ее только затем, чтобы показать, какую опасную игру она затеяла. Насколько рискованно искушать его и предлагать деньги на спасение Рейвнскрофта, которые он не может принять, не уронив при этом свое достоинство. И к каким ужасным последствиям могут привести жадность и желание заполучить титул, которые заставили Джессику требовать от него женитьбы. Джеймс бы точно очень удивился, если бы узнал об этом.

Проклятие. Все равно не надо было целовать ее!

Саймон подумал о Джеймсе. Он ни на мгновение не сомневался, что это его друг прислал сюда Джессику Стантон. Если, конечно, таково ее настоящее имя. Он злился на друга, но понимал, что на его месте повел бы себя точно так же. Окажись вдруг Джеймс на пороге банкротства, он тоже сделал бы все возможное, чтобы помочь ему.

Но неужели тот действительно думал, что добьется своего, посылая к нему эту мисс Стантон? Неужели он не понимал, что у нее не было никаких шансов вручить ему деньги? А про идею с замужеством даже смешно вспоминать. Скорее уж в аду выпадет снег, чем эта девушка станет его женой.

Саймон поднес бокал к губам. Он намеревался пить до тех пор, пока ему не удастся забыть о Джессике и о том, как сильно его взволновал их поцелуй.

Похоже, впереди его ждала долгая ночь.

Глава 5

Джессика ходила взад-вперед по яркой, залитой солнцем гостиной герцогини Холлингсворт и чувствовала себя загнанной в ловушку. Ей казалось, что Колин

уже ждет ее за дверью, готовясь упрятать в дом для умалишенных. Она откинула со лба прядь волос и попыталась хотя бы сделать вид, что у нее есть силы взять себя в руки. Это было тяжело. Никогда в жизни ей не было так страшно.

До дня рождения оставалось всего пять дней. Меньше чем через неделю она станет одной из самых богатых женщин в стране. И за это время ей надо придумать, как оградить себя от ненависти и жадности сводного брата.

Джессика приложила руку к груди, пытаясь дышать спокойнее. Без помощи Мелинды и Джеймса не обойтись. Остается только молиться, чтобы они не отказали ей.

Джессика сжала руки в кулаки. В этот момент она ненавидела свою глухоту больше, чем когда-либо раньше. Только из-за нее Джессика чувствовала себя такой беспомощной и глупой.

Вместо того чтобы самостоятельно решить проблему, она потратила драгоценное время и поехала к графу Норткоту с безумным предложением взять ее в жены.

Как можно было так ошибиться? Как можно было хоть на мгновение подумать, что ей удастся убедить незнакомого мужчину взять ее в жены – даже ради денег? Боже правый, половина Лондона считает, что он убил собственного отца! Наверное, она на время потеряла разум, когда решила обратиться за помощью к нему.

Джессика вспомнила, как вольно граф обращался с ней прошлой ночью – и она почему-то позволила ему это! – и содрогнулась. Да, он настоящий распутник. И хотя граф в открытую не заявил, что ее глухота вызывает в нем отвращение, своим отказом ясно дал понять – жена-калека, пусть даже очень богатая, ему не нужна. Боже, как она могла так унизиться?

Джессика глянула из окна на мощеную улицу и увидела еще один экипаж, проехавший мимо крыльца дома. Нетерпеливо вздохнув, она поправила белый воротничок, а потом коснулась пальцами губ. Казалось, те все еще горели от поцелуев Норткота.

Она и представить не могла, что эта ласка способна вызвать такую бурю чувств.

И сейчас все, что испытало вчера ее тело, и сердце тоже, вдруг вернулось к ней опять. Джессика попыталась справиться с этим, но не могла. Этот неожиданный, долгий и головокружительный поцелуй было невозможно забыть. Затаив дыхание, Джессика словно опять ощущала рядом близость большого мускулистого тела графа и то, как крепко он держал ее в своих объятиях, как его ладони и шероховатые подушечки пальцев ласкали ее кожу, отчего та начинала сладко гореть…

Джессика вспомнила, как на одно мгновение, перед тем как Норткот оттолкнул ее, она почувствовала полную уверенность в том, что именно этот мужчина сможет защитить ее от всего мира, – если, конечно, захочет. Она сердцем ощутила несокрушимую силу Норткота, его храбрость и решимость во всем идти до конца – решимость, которая граничила с неразумностью. В кольце его мужественных рук она почувствовала себя в полной безопасности.

Но сейчас не было никакого смысла думать об этом. Норткот отказался защищать ее.

Джессика глянула на часы и опять стала мерить шагами комнату, мысленно молясь, чтобы Мелинда как можно скорее вернулась домой. Для светских визитов было еще слишком рано, но Джессика не могла позволить себе роскошь следовать правилам. Как только Норткот отказался ей помочь, она поняла, что ей больше нельзя терять ни минуты. Времени у нее оставалось ужасно мало.

Она поднесла руку ко лбу и потерла виски, стараясь уменьшить головную боль. Ее глаза все еще горели после того, как, сбежав от графа, она провела всю ночь, бессмысленно глядя в темноту за окном. А впереди ее ждали мучительные часы ожидания, когда совсем рассветет и она сможет поехать к Мелинде за помощью.

Джессика прислонилась плечом к оконной раме и потерла глаза, надеясь, что темные круги под глазами не выглядят очень пугающе. Боже правый, она так устала! Последние два дня сон почти не шел к ней, аппетит тоже пропал. Беспокойство снедало ее изнутри.

Вдруг ее спины коснулись маленькие нежные ладони. Джессика вздрогнула и вернулась в реальность. Она обернулась и увидела, как взгляд Мелинды из

удивленного вдруг стал испуганным.

– Джессика! – охнула подруга. – Что случилось? Ты в порядке? Вид у тебя нездоровый.

– Нет, я в порядке, – ответила Джессика, надеясь, что произнесла эти слова достаточно громко, чтобы подруга ее услышала. – А твой супруг дома?

Мелинда кивнула, потом дернула веревку звонка и приказала слуге немедленно пригласить в гостиную герцога. Потом она усадила гостью на диван и сама села рядом. Когда Джеймс появился на пороге и, глянув на Джессику, нахмурился, ей стало ясно, что ее попытки придать себе спокойный вид потерпели крах.

– Что случилось? – спросил он ее.

Джессика расправила плечи и, переведя дыхание, ответила:

– Мне нужна ваша помощь. Пожалуйста, Джеймс, – сказала она, обращаясь к герцогу, – я… я должна немедленно уехать из Лондона.

Она почувствовала, как сжалась рука Мелинды, державшая ее руку. Хмурое выражение Холлингсворта стало еще мрачнее, тревожнее. Джессике совсем не хотелось заставлять друзей лишний раз волноваться, но положение было отчаянным.

– Уехать? Но почему? – спросил Джеймс.

Джессика прокашлялась, собираясь с силами. Ей было трудно говорить об этом. Произнося вслух слова, она делала кошмар реальностью.

– Мой сводный брат жив, – после паузы сказала девушка.

От неожиданности Джеймс вздрогнул. Он пристально посмотрел на Джессику, словно ожидая, что та сейчас рассмеется и скажет, что это шутка. А когда ничего такого не случилось, он медленно, тяжело вздохнул.

– Откуда ты об этом узнала? – спросил герцог. Теперь на его лице читался ужас – то самое чувство, которое все это время сидело у Джессики в груди.

– От Айры. Колин скрывался в Индии, но сейчас он возвращается домой. Я должна уехать до того, как его корабль пристанет к берегу.

– Может, тебе не нужно бежать? Может, я…

– Нет. Ты ничем не поможешь мне. Я должна уехать. Немедленно.

– И куда?

– Не знаю. Мне все равно. Может, во Францию… или в американские колонии. Это не имеет значения, главное – чтобы Колин не смог меня там отыскать.

Джессика перевела взгляд на подругу. Ее глаза были тоже полны страха и тревоги.

– Простите, что впутываю вас в это дело, – продолжила она, – но, боюсь, я не смогу сама подготовиться к путешествию. К тому же у меня очень мало времени.

Мелинда погладила ее по щеке и сказала:

– Послушай, Джессика. Мой муж очень влиятельный человек в стране. Я уверена, он поможет тебе.

– Боюсь, даже связи герцога не спасут меня, – качая головой, ответила Джессика. А когда Джеймс и Мелинда с удивлением глянули на нее, она открыла свою сумочку и протянула герцогу бумагу, которую ей дал Айра, ту самую, которую Норткот смял и бросил на пол. – Вот сколько я буду стоить, когда мне исполнится двадцать пять лет. Эти деньги завещал мне отец.

Холлингсворт расправил бумагу, потом пробежал глазами строчки и уставился на цифру в самом конце.

– Черт побери, – прошептал он. Его лицо было как открытая книга. Джессика видела – Джеймс сразу понял, какая серьезная опасность ей грозит.

Она откинулась на спинку дивана. Усталость и нервное истощение давали о себе знать.

– День рождения у меня в пятницу, – уточнила Джессика.

Герцог встал. Морщины на его лбу стали еще глубже.

– Ох, Джессика… – только и вымолвил он.

– Мне никто не поможет, – сказала Джессика, стараясь сдержать слезы, которые уже давно наворачивались на глаза. – Колин ни за что не сдастся, пока не заберет эти деньги. Айра говорит, он собирается упрятать меня в дом для умалишенных. Даже начал переговоры с адвокатами.

Мелинда еще крепче сжала ее руку, и Джессика отвернулась, не в силах смотреть на друзей.

– Я должна уехать, – повторила она. – Это единственный выход. Даже вы не можете обещать, что суды не встанут на сторону Колина. Ведь он – единственный мой близкий родственник. Значит, ему и нужно распоряжаться богатством папы, а не его глухой и глупой дочери.

Все молчали. Наконец Джеймс коснулся ее руки.

– Может, есть другой выход, – сказал он. – Если бы ты вышла замуж…

Джессика тихо горько рассмеялась.

– Нет. Я уже пробовала, и у меня ничего не вышло.

Девушка повернулась к герцогу и увидела в его глазах вопрос. Но даже самым близким друзьям она не могла признаться в том, что ее отверг мужчина, который стоит на грани разорения и отчаянно нуждается в деньгах. Что уж говорить о других!

Мелинда сжала ее пальцы, как делала всегда, когда хотела, чтобы Джессика посмотрела на нее.

– Но… – начала подруга и остановилась.

Ее рот открылся в изумлении, а герцог резко повернулся к двери. Он инстинктивно принял позу защитника, как будто двум дамам в гостиной что-то угрожало.

Джессика увидела, как Мелинда тревожно глянула на мужа. Она не знала, что напугало ее друзей, и в который раз прокляла свою глухоту.

– Что случилось? – Джессика тоже сжала руку подруги. Сердце, казалось, ушло в пятки. Произошло что-то странное, она видела это по лицам хозяев дома. Ей стало страшно.

– Кто-то бежит сюда, – сказала Мелинда. Ее муж шагнул к двери.

Дверь распахнулась, и в гостиную вошел граф Норткот. Из-за его плеча выглядывал растерянный дворецкий. Джессика не смогла разобрать все слова слуги, но поняла, что он рассыпался в извинениях за то, что пропустил к ним незваного гостя.

– Что ты натворил, Джеймс! – закричал Норткот, как только вошел в гостиную. Но, увидев Джессику, остановился как вкопанный.

Она не могла дышать. Сердце на мгновение замерло, а потом забилось как бешеное, словно пришпоренная горячая лошадь.

Меж тем лицо Норткота стало мрачным как туча. Он уставился на нее, буквально пронзая своим злобным взглядом.

Судя по его виду, граф тоже провел ночь без сна. Сейчас он больше походил на пирата, бороздящего океан, чем на английского дворянина. Джессика глянула в его воспаленные, покрасневшие глаза и порадовалась тому, что у него сбоку не висела шпага, как у каждого пирата. Она видела, что его злобы хватило бы на то, чтобы пустить ее в дело. И ни секунды не сомневалась, против кого.

Двухдневная щетина и вьющиеся взлохмаченные пряди черных волос, падавшие ему на лоб, придавали графу зловещий вид. Его белая рубашка была расстегнута на шее, и в вырезе виднелся треугольник загорелой кожи, который привлек ее внимание вчера ночью. На Норткоте не было ни сияющего белизной шейного платка, ни жилета под расстегнутым сюртуком. В общем, для визита его наряд совершенно не подходил.

Крупные, мускулистые бедра Норткота облегали черные бриджи, высокие сапоги доходили до колен. Граф выглядел так, словно собирался вступить в бой. Но больше всего Джессику встревожило хищное выражение его лица и то, как плотно он сжимал челюсти.

– Хотел бы я сказать, что удивлен нашей встрече тут, – произнес граф, шагнув к ней. – Но, конечно, мы оба знаем, что это не так.

Джеймс положил руку ему на плечо и спросил:

– Что все это значит, Саймон?

Но его друг скинул руку и пошел через всю комнату к Джессике. Встав перед ней, он заявил:

– Как легко вы лгали мне вчера ночью! Но я не такой дурак, каким вы меня считаете. Я до сих пор не верю ни единому вашему слову.

– Саймон! – закричал герцог. – Черт побери, остановись! Что с тобой случилось?

– Со мной все в порядке, Джеймс. А вот план, который ты придумал вместе с этой маленькой милой лгуньей, провалился.

Взгляд Джессики метался с одного говорящего на другого. Она отчаянно пыталась поймать все слова, но два друга говорили слишком быстро. И Джеймс смотрел не на нее, а на графа.

– Мелинда, отведи Джессику ко мне в кабинет. Нам с Саймоном надо…

– Нет, – прервал его друг. – Она останется тут. – Он развернулся к Джеймсу и смерил его суровым взглядом. – Зачем ты это сделал? Зачем ты послал ее ко мне вчера ночью, тебе ведь было ясно, что я не возьму твои деньги?

– Прошлой ночью? Где это ты видел Джессику прошлой ночью?

Саймон покачал головой. Его губы сложились в горькую улыбку.

– Не надо, Джеймс. Не держи меня за дурака. Я достаточно умен, чтобы не купиться на твой план.

– Я не понимаю, о чем ты говоришь, – заявил Джеймс.

Саймон повернулся к Джессике и наклонился к ней так близко, что она могла коснуться его лица.

– Значит, вы еще не рассказали ему, моя дорогая? Он не в курсе, что у вас ничего не вышло?

Джессика заглянула в его глаза, пылающие злобой. Она была сбита с толку, измучена волнениями и бессонной ночью и потому смогла только прошептать:

– Пожалуйста, не надо…

Норткот протянул к ней мускулистую руку и дотронулся до ее щеки. Боже правый, она вспоминала об этом прикосновении всю ночь. И мечтала вновь почувствовать его силу…

Но ей совсем не хотелось, чтобы Норткот смотрел на нее с таким отвращением, как сейчас.

– Вы желаете, чтобы я сам рассказал его светлости, что его план провалился? Чтобы объяснил ему, что его посланница мне понравилась и я получил наслаждение от нашей короткой, но очень страстной встречи? Но ей не удалось унизить меня и уговорить взять деньги в обмен на замужество.

В комнате вдруг стало очень жарко. Джессика почувствовала, что не может вдохнуть воздух. В ушах зашумело, перед глазами замелькали яркие пятна, и у нее закружилась голова. Она отвела руку Норткота и вытерла пот с лба. Ей нужно было отойти от него.

Краем глаза Джессика увидела, что Джеймс что-то кричит. Он схватил Саймона за руку и попытался оттащить от нее, но граф вырвался и продолжил обвинять ее:

– Или, может, его светлость не знает, что вы предложили себя мне в жены? Может, он не в курсе, как отчаянно вам нужен муж? Наверное, мой друг полагает, что вы предлагали мне только деньги, но не тело?

Комната закружилась перед глазами Джессики. Она вдруг перестала понимать, где находится. Норткот медленно сводил ее с ума. Джессика вскочила с дивана и побежала к выходу, не обращая внимания на стоявшую на ее пути мебель. Она сбила маленький столик, но даже не остановилась.

Но прежде чем ей удалось добраться до двери, ее схватила сильная рука и заставила остановиться. Она, словно клещи, вцепилась ей в плечо и прижала к той самой твердой груди, возле которой она таяла вчера от поцелуев. Джессика оказалась в тех самых железных объятиях, из которых, как ей уже было известно, не так-то легко вырваться.

Боже правый. Она не выдержит, если Норткот опять начнет унижать ее.

Джессика изо всех сил закричала. Она не знала, услышал ли ее кто-нибудь в гостиной или нет. Может, крик раздался только в ее голове, но он показался ей таким громким, что Джессика прикрыла уши ладонями. Перед ее глазами поплыла темнота, и она с радостью встретила забытье, готовое поглотить ее.

Саймон поймал Джессику до того, как она упала на пол, и поднял на руки. Девушка оказалась легкой, словно пушинка. Ее лицо стало белым, как кружевной воротничок вокруг шеи, и даже розовые губы, которые он вчера целовал, потеряли свой цвет.

– Вот черт! – воскликнул Саймон.

Сейчас Джессика казалась такой маленькой и хрупкой, совсем непохожей на ту гордую даму, которая вышла из его дома вчера ночью.

Он аккуратно положил ее на софу возле стены, а потом растерянно почесал поросшую щетиной щеку.

– Я не хотел так пугать ее, – сказал Саймон, обращаясь в пустоту.

Мелинда мрачно глянула на него и побежала к подруге.

– Черт! Будь все проклято!

Саймон закрыл глаза и прижал пальцы к векам. Они болели, словно он долго смотрел на солнце.

– А теперь поясни, какую ложь тебе сказала вчера Джессика? – тихо спросил его стоявший сзади Джеймс. Тон его голоса был холодным, как сталь острой шпаги. Саймону следовало насторожиться, но он решил проигнорировать опасность.

– Ты сам прекрасно об этом знаешь. Ведь это ты ее ко мне послал.

Саймон услышал, как Джеймс скрипнул сжатыми зубами.

– Просвети меня, Саймон. Что случилось между вами двумя прошлой ночью? Где ты увидел Джессику? Она ведь не выходит из дома.

– А вчера вышла. И приехала ко мне домой. Туда, куда ты ее послал.

Саймон посмотрел на Джессику. Ее щеки оставались белыми, но дышать она стала чаще и глубже.

– Что она от тебя хотела? – спросил Джеймс.

– Конечно, собиралась предложить деньги, которые ты ей дал. Она показала мне бумагу с астрономическим числом и сказала, что это состояние станет моим, если я возьму ее в жены.

Саймон повернулся и глянул на друга. Никогда раньше Джеймс не смотрел на него с таким неудовольствием, и Саймону стало не по себе. Но он не мог позволить чувствам взять верх.

– Теперь я знаю, что ты не преувеличивал, когда говорил, что богат как Крез. Ты правда думаешь, что мне нужно так много денег, чтобы расплатиться с долгами?

– Я понятия не имею, сколько у тебя долгов. А Джессика рассказала, почему ей было так важно выйти за тебя замуж?

– Она заявила, что ей нужна защита. Какая-то выдуманная история о сводном брате, который хочет забрать ее деньги.

Мелинда метнула в его сторону испепеляющий взгляд.

– Я пойду за пледом, – сказала она и пошла мимо него к двери.

Джеймс скрестил руки на груди.

– Джессика – лучшая подруга моей жены, – сказал он. В его взгляде появился блеск, который немного испугал Саймона. – Ты знаешь, что она глухая?

– Да. По крайней мере в этом твоя знакомая не солгала.

После этого воцарилась тишина. Саймон повернулся к софе и лежавшей на ней девушке, из-за которой пережил такую беспокойную ночь.

– Почему ты выбрал ее, Джеймс? Разве не мог найти кого-то другого? – Саймон вновь посмотрел на друга. – Ты думал, что я не догадаюсь, кто ее послал? – Он решительно расправил плечи и глубоко вдохнул воздух, а потом спросил: – Сколько ты ей заплатил, чтобы она решилась прийти ко мне и предложить себя, как какая-то шлюха?

Саймон не успел ничего понять, как в воздухе взметнулся кулак Джеймса. Удар был такой силы, что он отлетел назад, с размаху врезался в стену и сполз на пол вперед ногами.

Граф потер рукой подбородок, потом подвигал нижней челюстью, опасаясь вывиха. Он не успел прийти в себя и встать, как в гостиную вошла жена Джеймса с пледом в руках. Леди перешагнула через его ноги, даже не глянув в его сторону. Проходя мимо герцога, она остановилась и нежно поцеловала его в щеку.

– Ты молодец, Джеймс, – тихо сказала она, бросив красноречивый взгляд в сторону сидевшего на полу Саймона.

Джеймс покачал головой, но все равно подошел к другу и протянул ему руку, чтобы помочь встать.

Саймон неохотно схватился за нее и кое-как поднялся. Спотыкаясь, он направился к дивану, держась за болевшую челюсть.

– Так что в словах Джессики было правдой? – спросил он.

– Все, от начала и до конца, – просто ответил Джеймс, беря чашку чая с подноса, которую до этого принесла служанка.

– Ты хочешь сказать, что не посылал ее?

– Конечно, не посылал.

Саймон уставился на друга. Его слова били посильнее кулака.

– А наследство?

– Она получит его в пятницу.

По лицу Джеймса было понятно – друг говорит правду. Саймон провел рукой по волосам, пытаясь успокоиться и мыслить логично.

– Проклятие, Джеймс, но почему она решила попросить о браке незнакомца? Как только о ее наследстве узнают в обществе, женихи выстроятся в очередь, чтобы заполучить Джессику в жены. Почему же она пришла ко мне?

– Думаю, ей пришла в голову ошибочная мысль, что ты сможешь защитить ее.

– От чего? – И тут Саймон вспомнил слова Джессики. В глазах у него потемнело – так неожиданно поменялась та картина, которая сложилась в его в голове. – Значит, Танхилл правда ее сводный брат?

Джеймс, тяжело вздохнув, молча кивнул. А Саймон посмотрел в бледное лицо Джессики, которая уже начинала потихоньку приходить в себя. Он, как никто другой, знал, что Танхилл готов пойти на любое преступление, чтобы достичь цели. Его сердце неожиданно сжалось от страха за эту хрупкую и беззащитную девушку.

– Боже, спаси ее! – выдохнул он.

– Нет, Саймон, – отозвался Джеймс. – Мне кажется, Господь хочет, чтобы это ты ее спас. А может, Господь даже хочет, чтобы она спасла тебя.

Глава 6

Черт побери, девчонка сказала правду. Она действительно приходится Танхиллу сводной сестрой.

Саймон старался не обращать внимания на то, как тревожно бьется у него сердце, и спокойно смотрел из окна кабинета, ожидая возвращения Джеймса. Джессика все еще находилась в гостиной. Герцогиня решила, что для нее будет лучше не видеть его в момент, когда к ней вернется сознание.

Окно выходило в сад, и Саймон смотрел на пару соловьев, которые сидели на ветке ольхи. Была весна, и почки дерева были готовы взорваться свежей зеленью.

Итак, эта девушка доводилась Танхиллу сестрой. Саймон вспоминал все, что говорила ему вчера Джессика, и каждое ее слово, каждый жест представали перед ним в истинном свете. Он вспоминал ее бледность, отчаяние во взгляде, попытку спрятать страх под маской храбрости. И то, как он говорил с ней, как практически назвал ее в лицо шлюхой, желающей продать тело за его титул. Саймон тряхнул головой, пытаясь изгнать неприятные воспоминания, но у него ничего не вышло.

Соловей в саду начал петь. Он делал это громко и старательно, словно у него был праздник. Саймон глянул на вторую, меньшую по размеру птицу, которая сидела рядом с ним на ветке. Наверное, соловью в отличие от него действительно было отчего радоваться.

За его спиной открылась дверь.

– Она в порядке? – спросил Саймон, не поворачиваясь. Он намеренно старался говорить спокойным, ровным голосом.

– Да. Они с Мелиндой сейчас придут сюда. – Герцог подошел к столу и налил две чашки чая. Одну из них он подал другу. – Или, может, ты хочешь чего-нибудь покрепче? – спросил он, кивая в сторону графина с бренди, стоявшего на огромном письменном столе.

– Может, яда? – отозвался Саймон, иронично кривя губы.

Джеймс тоже усмехнулся и произнес:

– Прости, но выглядишь ты просто ужасно.

Саймон пригладил ладонью растрепанные волосы.

– Надеюсь, что ты от меня такой комплимент никогда не услышишь.

Перед камином в кабинете стояло два мягких кресла. Джеймс сел в одно из них и обратился к другу:

– Садись, Саймон. Давай посмотрим на ситуацию логически.

– Проклятие, но это невозможно! У меня появилась возможность спасти Рейвнскрофт – само поместье, поля, леса и пруды. Помочь людям, живущим на моей земле, починить свои дома, которые совсем обветшали с тех пор, как мой отец и его молодая жена начали швырять деньги направо и налево. А еще отреставрировать церковь и… – Саймон остановился и перевел дух. Мысли теснились в его голове, и слова не поспевали за ними. Через секунду он продолжил: – И поправить дела в других поместьях рода Норткотов. Для этого мне надо только жениться на сестре Танхилла и надеяться, что та не сбежит с садовником и не унизит меня еще сильнее, чем моя первая невеста. Это логический взгляд на ситуацию?

Джеймс ответил не сразу. Когда он заговорил, его голос звучал мягко, сочувственно:

– Возможно, есть другой выход.

Саймон отставил чашку на край письменного стола и, сев в кресло, повернулся лицом к другу.

– Джессика пришла к нам так рано утром, чтобы попросить о помощи. Она решила бежать из Англии. Подумала, что, может, в колониях ей удастся спрятаться от брата.

Саймон наклонился вперед и уперся локтями о колени.

– Ты знаешь, это ее не спасет, – сказал он.

– Но Джессика не может оставаться в стране без какой-либо защиты, – отозвался Джеймс. – Скоро она станет очень богатой женщиной. Танхилл из кожи вон будет лезть, чтобы заполучить эти деньги. Ты знаешь, что он за человек. Танхилл заставит суд признать ее неполноценной, а потом запрет Джессику в доме для умалишенных. А если это у него не получится, то он…

Саймон докончил с тяжелым вздохом:

– Просто убьет ее. Нам с тобой известно, что Танхилл обожает мучить тех, кто слабее.

– То, что он убил служанку в таверне, так и не смогли доказать.

– Я знаю. – Саймон откинулся на спинку кресла и коснулся груди, где под рубашкой чувствовался шрам, который шел от одного плеча к другому. Он постарался подавить слепую ярость, которая вспыхнула в его сердце, но искаженные от муки лица людей, которых Танхилл зверски убивал в Индии, продолжали стоять перед его мысленным взором. Это было невозможно забыть.

Джеймс прервал его невеселые воспоминания. Он наклонился к нему и спросил:

– Так что ты собираешься делать?

Саймон ответил не сразу. В свое время, когда его невеста сбежала с его же собственным отцом, он поклялся, что никогда не женится, что обойдется без привязанностей, без семьи и детей, больше не влюбится в очередную лживую искательницу денег. Сейчас эти клятвы ожили в его сердце и терзали его, смеясь над ним, мучая его противным смехом. Он сам совсем недавно говорил Джеймсу, что скорее увидит Рейвнскрофт в руинах, чем решится на женитьбу ради его спасения.

Но, с другой стороны, он также поклялся отомстить барону Танхиллу. Саймон опять нащупал шрам под рубашкой, и сомнения отпали сами собой.

– Да, я женюсь на ней, – наконец сказал он вслух.

Судя по лицу Джеймса, такого оборота тот не ожидал.

– Как ты думаешь, что станет делать Танхилл, когда узнает о вашем браке? – тут же спросил Джеймс. – Когда поймет, что деньги, которые он хотел забрать себе, стали твоими?

– Конечно, постарается убить меня. Иначе ему никогда не добраться до состояния Джессики.

– Ты сильно рискуешь, Саймон.

– Это именно то, что мне нужно. – Саймон на мгновение закрыл глаза. Это был шанс всей его жизни. Теперь Танхилл поплатится за все, что сделал в Индии. – Я не ожидаю, что ты поймешь меня, Джеймс, но для меня это возможность наконец победить моих внутренних демонов.

– Для тебя так важно уничтожить Танхилла?

– Ты не представляешь насколько. Я готов заключить сделку с самим дьяволом, если тот пообещает мне сгноить Танхилла в аду.

– Женившись на Джессике, ты устроишь ему настоящий ад.

– Очень на это рассчитываю.

Джеймс ничего не ответил. Несколько минут он сидел и внимательно смотрел на Саймона. В его взгляде читалось искреннее сочувствие.

– А что насчет Джессики? – наконец спросил он. – Как ты смотришь на ее глухоту?

Саймон встал и подошел к окну. Оттуда на него глянуло его отражение.

– Мне нет дела до ее глухоты, – ответил он. – Как, впрочем, нет дела до нее самой. – Он уперся ладонями в подоконник и, наклонив голову, продолжил: – Наш брак будет формальностью. Мы оба вступаем в него, потому что нам это выгодно. Я дам ей защиту от Танхилла. А она взамен даст мне деньги, которые спасут Рейвнскрофт и…

– Саймон, – прервал его Джеймс.

Саймон не слышал, как открылась дверь, не видел, что Джессика вошла в кабинет.

Он поднял голову, стараясь подавить неловкость. Джессика тоже отражалась в стекле окна. Она стояла рядом с Мелиндой недалеко от двери и пристально смотрела на его отражение. Саймон тут же повернулся. Ему показалось, что он увидел боль в ее глазах. Но девушка тут же вздернула подбородок и расправила

плечи, принимая свой обычный независимый вид.

Черт побери, когда она вошла в кабинет? Вдруг ей удалось разглядеть в окне, о чем он говорил Джеймсу?

Саймон посмотрел на ее бледное лицо, губы. И тут же вспомнил, как страстно целовал их прошлой ночью. От этого ему стало совсем не по себе. Он вздрогнул и отвел взгляд от лица Джессики.

Саймон увидел, что ее руки сжаты в кулаки. Те самые руки, которые вчера касались его с невероятной нежностью, крепко обнимали за шею…

Саймон подавил мысль, что, возможно, ему не все равно, какие чувства сейчас испытывает Джессика. Он слишком хорошо помнил, к чему могла привести слабость в отношениях с женщинами.

Джеймс направился к дамам, чтобы помочь им присесть, но остановился, когда Джессика предупредительно подняла руку.

– Я решила не оставаться, ваша светлость. И зашла, только чтобы принести свои извинения и попросить вас нанести мне визит, когда у вас появится время.

– Нет, Джессика, – возразил Джейс. – Пожалуйста, останьтесь. Я уверен, все вместе мы решим вашу проблему. – И он глянул на Саймона, ожидая, что тот продолжит.

Но граф молчал.

– Не стоит, – ответила Джессика и обожгла Саймона убийственным взглядом. Ее голос был полон ненависти. – После вчерашней ночи нам больше не о чем говорить с графом Норткотом.

Тут Саймон словно очнулся. Он шагнул к ней и сказал:

– Думаю, вы ошибаетесь. – Джессика еще упрямее вздернула вверх подбородок, но Саймон продолжил: – Вчера вы предложили мне взять вас в жены, и я отказался. Так вот – я передумал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (http://www.litres.ru/lora-lendon/taynaya-pobeda-11839737/?lfrom=201227127) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Купить: https://tellnovel.com/lora-lendon/taynaya-pobeda-kupit

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити